

**Аналитический центр Библиотеки Первого Президента
Республики Казахстан – Елбасы**

**при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта
и Центра по изучению Китая 中国研究中心**

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ 2027:

**МЕНЯЮЩИЙСЯ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ.
ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ НА ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВПЕРЕД**



Астана, 2017

УДК 327
ББК 66.4
Ц38

Ц38 Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на десять лет вперед / Т.Т. Шаймергенов, М.А. Абишева. – Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы, 2017. – 122 с.

ISBN 978-601-7824-17-4

Центральная Азия, в основном, традиционно изучается с позиции т.н. «Большой игры» - влияния и противоречия политик и стратегий России, США, КНР и других менее влиятельных, но активных внешних игроков. Безусловно, внешнее влияние имеет немаловажное значение, но при этом из виду часто упускается тот момент, что, переходя 25-летний период суверенного развития, страны Центральной Азии вступают в этап критических внутренних перемен.

Ближайшее десятилетие во многом определит долгосрочное развитие региона, т.к. нарождающиеся сегодня внутренние тренды изменят его социальный, политический и экономический облик. Наступает новый, переломный исторический момент, когда в контексте демографических и поколенческих аспектов использовать термин «постсоветская Центральная Азия» становится все менее актуальным.

В исследовании впервые применен метод «интеллектуального краудсорсинга» и данный аналитический доклад является продуктом коллективного исследования с участием представителей всех стран Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана). Доклад является попыткой совместного осмысления перспективных региональных тенденций в рамках сценарного моделирования развития региона в последующие десять лет. Сценарный подход, лежащий в основе исследовательского проекта, традиционно применяется для поддержки лиц, принимающих решения в условиях происходящих важных изменений, которые находятся вне контроля. Сценарии призваны подготовить их для использования нарождающихся новых возможностей и проактивного реагирования на потенциальные риски в будущем.




УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-601-7824-17-4

© Библиотека Первого Президента
Республики Казахстан – Елбасы, 2017
© 2017 Центр по изучению Китая
© 2017 Фонд Фридриха Эберта



СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	5
ВВЕДЕНИЕ	7
 1. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	17
 2. КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ФОРМИРУЮЩИЕ БУДУЩЕЕ.....	37
 3. ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	73
ВЫВОДЫ: ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ БУДУЩЕГО?.....	91
10 вызовов будущего.....	101
10 возможностей будущего	103
Выражение признательности	106
Приложение.....	108
Использованные источники.....	108
Анкета экспертного опроса	112



МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Будущее предсказать невозможно: линейное прогнозирование, как правило, не дает результата. В данной работе мы применили метод сценариев. Сценарное моделирование – это инструмент прогнозирования будущего, используемый для средне- и долгосрочного стратегического анализа и планирования. Сценарии – это основанные на анализе реальных тенденций сюжетные линии, описывающие то, как мир мог бы выглядеть через определенное время.

При этом сценарии не являются прогнозами как таковыми, они, скорее, предлагают правдоподобное видение различных возможных вариантов будущего. На практике они расширяют понимание того, насколько может измениться знакомая реальность со всеми вытекающими из этого положительными и отрицательными последствиями.

Сценарии не дают рекомендаций, а их разработка не является самоцелью. Они стимулируют воображение и обеспечивают интеллектуальную основу, на которой возможен поиск новых идей и направлений. Сценарии способствуют выработке и принятию более компетентных и выверенных решений в контексте будущих возможных событий и процессов.

Сценарии дают возможность исследовать то, как мир мог бы измениться, если усилить или ослабить определенные тенденции, или если произойдут различные события. Обычно разрабатывается ряд сценариев (от двух до пяти), представляющих различные возможные варианты будущего, связанные с различными тенденциями и событиями.

Эти модели будущего затем используются для проверки или тестирования целого ряда планов и стратегий: заключение, в целом, состоит в том, что разные планы, вероятно, лучше разработать в различных сценариях. Сценарии также могут использоваться, чтобы стимулировать развитие новой политики, или в качестве основы для стратегического видения.

Сценарии также являются прикладным инструментом выявления маркеров «раннего предупреждения». Их широко используют в риск-менеджменте и стратегическом планировании в самых разных секторах: сценарные подходы позволяют определить вызовы, которые при определенных условиях могут обернуться в возможности или риски. Знание этого вооружает и позволяет действовать на упреждение.



В любой момент времени существует бесконечное количество вероятных будущих сценариев. Сценарное планирование не пытается предсказать, какой из них произойдет, но через формализованный процесс определяет ограниченный набор примеров возможных вариантов будущего, которые служат ценным ориентиром при оценке текущей стратегии или разработке новой политики действий на перспективу.¹

¹ Wright, G., Cairns, G. *Scenario Thinking. Practical Approaches to the Future.* – London: Palgrave Macmillan UK, 2011. – 192 p.



ВВЕДЕНИЕ

Сегодня уже очевидно, что Центральная Азия поступательно выходит из тени мировой политики и превращается в одну из трендовых тем, которая сегодня обсуждается на большинстве авторитетных американских, европейских, российских, китайских, турецких и индийских площадках. В начале 2016 года известный американский исследователь Фрэнсис Фукуяма отметил, что скоро Центральная Азия перестанет быть периферией глобальной экономики, превратившись в её центр. В качестве основополагающего драйвера этого процесса Фукуяма указывает на роль Китая, все более ориентирующегося на Евразию.²

В какой-то степени можно согласиться с этим прогнозом, если принять во внимание многочисленные попытки возродить современный Шелковый путь (а КНР, несмотря на все сложности и скептицизм, это все-таки удалось). И это, в свою очередь, спровоцировало активность многих глобальных и региональных игроков в небольшом географическом пространстве Центральной Азии⁽¹⁾. У стран региона по-



(1) За последние годы свои более-менее внятные стратегические линии, направленные на продвижение интересов в Центральной Азии, разработали и с разной степенью эффективности реализуют Россия (Таможенный союз/Евразийский экономический союз, 2011), Индия (Connect Central Asia, 2012), Китай (Экономический пояс Шелкового пути, 2013), США (C5+1 Regional dialogue, 2015), Евросоюз (2015). Кроме того, высокую заинтересованность в расширении своего присутствия в регионе проявляют Иран, Южная Корея и Турция. Например, Япония в течение 9 лет до 2015 года вообще не проявляла своего присутствия в Центральной Азии, а строительство Экономического пояса Шелкового пути, соединившего японские порты с нашим регионом через китайскую инфраструктуру – спровоцировало возобновление политического диалога Токио по линии забытой площадки «4+1» и интерес японского бизнеса.

² Fukuyama, Francis. *Exporting the Chinese Model* / <https://www.project-syndicate.org/onpoint/china-one-belt-one-road-strategy-by-francis-fukuyama-2016-01?barrier=true>



явились новые возможности, но в свете повышенного внимания обнажились и старые проблемы ⁽²⁾.

Первое впечатление от ознакомления с такими «сведениями» формирует весьма противоречивое видение. В частности, Центральная Азия предстает как крайне разнородный и разрозненный регион, подверженный перманентной нестабильности, регулярным «цветным» революциям и прочим деструктивным явлениям. Подобного стереотипного подхода придерживаются многие известные международные издания, которые, в целом, поверхностно смотрят на Центральную Азию и видят ее потенциал и риски сквозь призму соседства с Афганистаном.

Имеются и другие подходы. Например, в прогнозах развития до 2050 года группа зарубежных исследователей в недавнем докладе видят будущее региона в ярких цветах и рисуют весьма положительные сценарии. ³ Конечно, возможно, это обусловлено определенными политико-идеологическими аспектами заказчиков такого рода проектов. Кроме того, прогнозирование на более чем 30-летний период является, скорее, желаемым видением будущего – для дискуссии и потенциальной

выработки стратегии. Но реалистичность такого рода документов, как показывает практика, невысока (в принципе, такой задачи и не ставится).

В исследовании Российского совета по международным делам сделана попытка прогнозирования развития региона до 2024 года. ⁴ За точку отсчета было принято ожидавшееся на тот момент завершение военного присутствия западной коалиции в Афганистане. В этой связи за основу

⁽²⁾ Например: «После распада СССР политическая стабильность в регионе, в основном, была сохранена, за исключением гражданской войны в Таджикистане. В 2005 году кыргызский президент был изгнан в результате Тюльпановой революции. Также были беспорядки в Андижане. Большая часть населения постсоветской Средней Азии была равнодушна к распаду Советского Союза, даже крупная часть русских в Казахстане и Узбекистане. Позже новообразованные республики получили большие денежные переводы из Москвы». При этом англоязычная версия статьи о Центральной Азии в Википедии в несколько раз больше по объему, но еще более противоречивая по своему содержанию. Дословное цитирование с Википедии: История Центральной Азии, https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Центральной_Азии.

³ Central Asia 2050. Unleashing the Region's Potential. Editors: Rajat M. Nag, Johannes F. Linn, Harinder S. Kohli. Copyright: Astana, National Analytical Center, 2016. – New Delhi: SAGE Publications India, 2016. – 337 p.

⁴ Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014-2024 гг. – РСМД, 2013 / <http://russiancouncil.ru>.



анализа был принят геополитический контекст сценаристики, что отражается в названиях вероятных моделей и их содержания. События в регионе в последующие годы показали, что геополитически ориентированные сценарии имеют невысокий прикладной результат, но формируют хорошую базу для дискуссий.

Интересен и другой пример. Так, эксперты Всемирного экономического форума в 2014 году попытались спрогнозировать сценарные вариации для Центральной Азии ... вместе с регионом Южного Кавказа⁵. В указанном докладе сделана смелая, но неоднозначная попытка прогнозирования и построения консолидированных сценариев вероятного будущего для Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Исследование предлагает через сценарии взглянуть на этот «консолидированный регион» с позиции его потенциала как транзитного хаба между Западом, Россией и Азией. Логика и мотивация авторов ВЭФ при проведении такого исследования, в целом, понятна, но помимо общего постсоветского прошлого и отдельных проектов кооперации говорить о неких сценариях общего будущего достаточно сложно. Слишком в разных геостратегических координатах и внутренних контекстах сегодня развиваются страны Центральной Азии и Кавказа.

Так, достоверные информация и знания о Центральной Азии у зарубежных экспертных сообществ до сих пор весьма ограничены, очень фрагментарны и, порой, противоречивы. Целостное понимание региона имеется у очень небольшого числа специалистов. Общедоступные информационные ресурсы представляют постсоветский период истории Центральноазиатского региона в весьма неоднозначных тонах⁽³⁾.

Надо признать, что Центральноазиатский регион – это **во многих отношениях очень сложное пространство**.

Находясь на границах трех крупных цивилизаций, обладая непро-



⁽³⁾ Эксперты из стран Центральной Азии, безусловно, принимали участие в различных сценарных разработках, но, как правило, это были многонациональные рабочие группы с иностранным участием. Настоящее сценарное исследование отличается тем, что в его проведении участвовали только эксперты из Центральной Азии (без иностранных представителей) и из всех пяти стран региона (включая Туркменистан, эксперты которого часто воздерживаются от участия в подобных региональных проектах).

⁵ Scenarios for the South Caucasus and Central Asia. World Scenario Series. – World Economic Forum, 2014.



стой историей и пестрым этнорелигиозным составом населения, Центральноазиатский регион часто воспринимается, как потенциальная «пороховая бочка» в концепциях Хантингтона и др.⁽⁴⁾

Стереотипно важность региона в зарубежных исследованиях рассматривается с позиции наличия в его недрах огромного энергетического и природно-ресурсного потенциала.⁽⁵⁾ Но в срав-

нении с другими ресурсными экспортерами Центральная Азия смотрится скромно. Кроме того, регион не имеет прямого выхода к океану и морским коммуникациям, в результате «обречен» на транспортно-транзитную и иную зависимость от приграничных государств для экспорта своих ресурсов.

Геополитическая среда ЦАР осложнена как внутренними проблемными аспектами, так и противоречивым внешним влиянием. На и без того исторически обусловленные непростые отношения между странами региона⁽⁶⁾ наслаиваются новые вызовы. В очень небольшом регионе одновременно сконцентрированы и взаимоувязаны в сложный комплекс интересы крупнейших мировых игроков – ключевых глобальных ньюсмейкеров – России и КНР, США и ЕС, Японии и Южной Кореи, Ирана и Турции. Многие из них утвердили свои стратегии в отношении небольшого региона в центре Евразии.

География региона, раньше воспринимавшаяся как большой минус для его экономического развития ввиду значительной удаленности от моря (Каспий в расчет не принимается), – сегодня, наоборот, играет в пользу всех благоприятных перспектив в контексте транспортно-логистических проектов сквозь Евразию.

Многие годы в самых разных исследованиях даются негативные оценки, формируются пессимистические про-



⁽⁴⁾ Драматические события в июне 2010 года на юге Кыргызстана в какой-то степени подтвердили данный тезис.

⁽⁵⁾ Сколько нефти, газа, и др. стратегических ресурсов. Сосредоточение в Центральной Азии природных ресурсов мирового значения, прежде всего, углеводородного сырья. Данный фактор, наряду с широкими возможностями, является долгосрочным вызовом региона. Повышенную заинтересованность в освоении природных ресурсов проявляют мировые державы. Причем данная стратегия преследует конкретные геополитические цели, так как контроль за топливно-энергетическими ресурсами и путями их транспортировки дает возможность непосредственного влияния на ситуацию в регионе и конъюнктуру мирового рынка.

⁽⁶⁾ В частности, одним из таких долгосрочных разломов является карта региона и непродуманно (намеренно?) прочерченные во времена СССР межгосударственные границы, – на них наслаиваются поступательный рост национализма, который не позволяет «уступать соседям», нестабильность политических режимов, которые больше заняты внутренними проблемами. На настоящее время фактически только Казахстан полностью провел делимитацию и демаркацию своих границ с соседями. При этом сохраняется вопрос только на одном участке: осталась установка пограничного знака в районе точки стыка государственных границ Казахстана, Туркменистана и Узбекистана.



гнозы и рисуются многообразные «страшилки» о будущем региона. Хорошо известны такие прогнозы, как превращение региона в некий «халифат», вооруженное противостояние по водно-энергетическим причинам или пресловутый «фактор 2014». Региону часто прочили и продолжают предсказывать «критически сложный этап экономического и внутривластного развития».

Здесь можно задать резонный вопрос: а когда в новейшей истории в этом регионе были периоды расцвета и абсолютного спокойствия? По самым разным причинам ситуация в нем всегда была непростой. Удивительно, но, несмотря на наличие реальной деструктивной базы для такого рода прогнозных моделей, сегодня **Центральная Азия до сих пор сохраняет определенную устойчивость** (несмотря на объективный комплекс внутренних проблем развития и постоянно изменяющихся внешних вызовов).

Можно утверждать, что **ранее Центральная Азия, ее значение, выживаемость и жизнеспособность были во многом сильно недооценены**. Помимо усилий отдельных экспертов и международных «мозговых центров», регион не всегда воспринимался всерьез на уровне правительств крупных геополитических игроков. Сегодня ситуация кардинально меняется и имеются основания полагать, что в ближайшие десять лет **международный интерес к Центральной Азии будет только возрастать**.

Внимание к региону привлекает энергичное усиление экономических позиций КНР. В частности, очевидна стратегическая ставка Пекина на Центральную Азию как на ключевой элемент долгосрочного построения сухопутного континентального моста на европейские рынки в рамках проекта Экономического пояса Шелкового пути⁽⁷⁾. Более сотни миллиардов долларов США инвестиций в инфраструктуру, крупные экономические проекты и открытие китайских морских портов создали новые возможности для развития Центральной Азии⁽⁸⁾. Это стало



(7) Китай оказался способен содействовать кооперации всех стран Центральной Азии под эгидой китайских проектов. С 2008 года Пекин уже построил несколько ниток газопровода «Центральная Азия – Китай», проходящих через все страны Центральноазиатского региона. Это значит, что разными способами Китай сумел добиться от них координации своей энергетической политики, т.к. это позволяет всем странам заработать. Такие примеры есть и в других областях.

(8) С 2014-2015 годов в крупных китайских портах в гг. Жичжао и Ляньюньган открыты и действуют транспортно-логистические центры, ориентированные на Центральную Азию, открывающие доступ для стран региона к Тихому океану и крупным рынкам всей Юго-Восточной Азии. Кроме того, выстроенная через Центральную Азию железнодорожная инфраструктура в рамках проекта «Шелковый ветер» (Китай, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Грузия, Турция, ЕС) соединила китайских производителей с западноевропейскими потребителями: в настоящее время по данным магистралям в еженедельном режиме проходят грузовые поезда из КНР в Германию и др.



мощным раздражителем для резкой активизации в последние годы многочисленных геоэкономических и политических процессов в Евразии (что приносит и новые возможности, и новые вызовы) ⁽⁹⁾.

Как результат китайской активности, Центральная Азия стала эпицентром политики многих международных игроков. Так, продолжилось расширение Евразийского экономического союза за счет вступления в него Кыргызстана и подготовки к членству Таджикистана. Пересмотрели свои концептуальные

подходы и США, которые приняли закрытую версию своей центральноазиатской стратегии и поддержали региональный диалог C5+1 ⁽¹⁰⁾.

Свою стратегию давно пытается нащупать и Евросоюз ⁽¹¹⁾. Неожиданно за многие годы в регионе заметно



⁽⁹⁾ *Естественное геополитическое преимущество стран Центральной Азии в вопросах евразийского транзита, несомненно, открывает широкие возможности и перспективы. В то же время, в стратегическом плане важно осознавать, что прохождение по территории региона транспортных артерий, соединяющих Китай с Европой, Россию с Юго-Востоком и представляющих для мега-игроков стратегическое значение, являются долгосрочным рискованным фактором.*

⁽¹⁰⁾ *Очевиден пересмотр США конкурентной стратегии: Вашингтон попытается не смотреть на развитие региона только через призму своих отношений с КНР и РФ (по крайней мере, открыто не заявлять об этом). Важно, что США направят свои усилия по подключению Центральной Азии к мировой экономике. Этот подход не ставит перед странами ЦАР проблему выбора внешней ориентации, что также создает для США больше возможностей для кооперации. Пересмотр тактики связан с необходимостью сохранения долгосрочных позиций в Центральной Азии и реализации своей модели Нового Шелкового пути. С 2011 года американский проект, в отличие от китайского Шелкового пути, во многом так и остался на бумаге. По всей видимости, в США решили не конкурировать с китайской инициативой (т.к. нет средств для реализации своего проекта), а включиться в нее – и за счет этого реализовать свои проекты.*

⁽¹¹⁾ *После объективного провала своей стратегии, реализованной в 2007-2013 годы, Евросоюз пытается сформулировать свои интересы в Центральной Азии. При этом запуск китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути, проходящей через Центральноазиатский регион и ориентированной на рынки Европы, мобилизовал, если не весь Евросоюз, то его отдельные страны, в частности, заметный интерес и активность к коридору Запад-Восток проявляют Германия, Великобритания, Австрия, Польша и др., соответственно, неизбежно растет их сотрудничество со странами Центральной Азии.*



активизировались Япония и Индия⁽¹²⁾, восстанавливать свои контакты с Центральной Азией стал и постепенно выходящий из под санкций Иран, роль которого, скорее всего, будет расти⁽¹³⁾.

Свои виды на Центральноазиатский регион имеет запрещенная, но не сходящая с заголовков СМИ террористическая группировка ДАИШ (также известная как ИГИЛ). Внимание к Центральной Азии в контексте активности ДАИШ обусловлено тем, что сама группировка является реципиентом воинствующих радикалов (foreign fighters) из региона, который официально включен в перспективные военные планы террористов. Следы боевиков – выходцев из стран Центральной Азии обнаруживаются от Турции и Сирии до Евросоюза. Активизация ДАИШ в Афганистане вновь открывает афганскую повестку центральноазиатской безопасности, – но уже в новой, более реалистичной плоскости рисков.

В этой связи под влиянием этих развивающихся процессов обстановка в странах Центральной Азии в третьем десятилетии XXI века будет кардинально отличаться от состояния государств региона в начале независимости – 1990-х годов, первых десятилетий нового тысячелетия. Все более рельефно в странах Центральной Азии обозначаются и новые тенденции. Ближайшие десять лет являются критическими для стран региона в контексте их стратегического развития.

Очень часто среди зарубежных аналитических работ можно встретить такие сценарии развития Центральной Азии, как «Синоцентричный мир» или «Халифат» и другие сценарии, ориентированные на некий внешний центр влияния будущего региона. Эти работы неплохи с позиции творческого осмысления возможных перспектив, но абсолютно нерелевантны специфике региона, его внутренней ситуации и динамике развития.



(12) Хорошо известно, что Япония и Индия – два геополитических союзника, сблизившихся на фоне возвышающегося Китая, – проявляют свою активность там, где наблюдается китайская активность. В 2015 году лидеры этих стран неожиданно провели региональные турне, посетив все страны ЦАР. Но политическая и конкурентная мотивация лишь отчасти объясняет активизацию Токио и Дели на центральноазиатском направлении. В частности, для Японии инициатива Экономического пояса Шелкового пути и открытие Казахстанско-китайского логистического терминала в г.Ляньюньгане (исторически связанным с японским портом в г.Осаке) сделала Центральную Азию легкодоступной для японских производителей.

(13) С 2014 года Казахстан, Туркменистан и Иран совместно запустили железную дорогу Узень-Горган, открывшую транспортный доступ из Центральной Азии к иранским портам и рынкам Ближнего Востока. В 2016 году председатель КНР Си Цзиньпин совершил визит в Иран, итогом которой стала договоренность довести объем совместных проектов и торговли до 600 млрд долларов США за 10 лет. Соответственно роль Центральной Азии в торгово-экономических обменах Ирана и Китая будет только возрастать.



Мы намеренно отошли от традиционных в отношении развития региона сценариев с прямым геополитическим контекстом или в прямой привязке к влиянию мировых держав⁽¹⁴⁾. Внешнее влияние, безусловно, имеет немаловажное значение, но оно не определяет общий вектор движения ЦАР. Фундаментальные процессы, меняющие Центральную Азию, уже несколько лет происходят внутри региона. Регион вступил в фазу большой трансформации и неизбежных внутренних изменений.

Ситуация интересна тем, что внутренние региональные перемены наслаиваются на переломные процессы на глобальном контуре. Известная мировая система находится в состоянии транзита, когда новая геополитическая и экономическая архитектура еще не создана, а старая уже не отвечает интересам основных игроков. Кардинально меняется технологическая парадигма мира. На фоне снижения эффективности международных институтов безопасности сохраняется высокий уровень конфликтности во многих регионах, в том числе в Центральной Азии.

Все это может способствовать новому позиционированию нашего региона в мировых процессах. В этой связи стоит задача понять, что может представлять собой Центральноазиатский регион в ближайшее десятилетие и как он будет развиваться в условиях новой глобальной реальности.

Цель исследования – в формате методологии сценарного прогнозирования изучить и попытаться смоделировать перспективы развития Центральной Азии как единого региона в ближайшие десять лет.

Именно поэтому в исследовании впервые применен **подход «интеллектуального краудсорсинга»**, данный **аналитический доклад является продуктом коллективного исследования** с участи-

⁽¹⁴⁾ Имеются ввиду т.н. *россиецентричные, американоцентричные, синоцентричные, европоцентричные и другие варианты форм регионального развития – традиционно, но нецелесообразно используемые для определения вероятного будущего Центральной Азии.*

В частности, невозможность осуществления прогнозной сценаристики по страновому принципу обусловлено, во-первых, тем, что Центральная Азия – это многополярный регион, в котором сконцентрированы интересы целого ряда крупных и средних геополитических игроков, а, во-вторых, тем фактом, что центральноазиатские страны ориентируются на многовекторный характер внешних связей, без четкой привязки к одному международному партнеру.



ем представителей всех стран региона ⁽¹⁵⁾. Такой подход позволяет взглянуть на перспективы Центральной Азии сквозь более широкую призму интересов всех ее стран. Он, как минимум, снимает с авторов ответственность за возможный субъективизм в оценках, и, как максимум, – существенно расширяет картину вероятных моделей будущего Центральной Азии.

В настоящем докладе изучаются современные тенденции (*выделенные на основе анализа известных исследовательских работ по Центральной Азии, опубликованных за последние несколько лет в нашем регионе и за рубежом*), которые будут в той или иной степени определять возможные сценарии регионального развития на ближайшее десятилетие.

Авторы ставили перед собой цель не столько точно спрогнозировать будущее (*что, по сути, является невозможным*), сколько коллективными усилиями творчески осмыслить вероятные модели регионального развития и на их основе контурно обозначить будущие вызовы и перспективы для Центральной Азии как для единого целого.

На этих вероятных проблемах и возможностях, как нам представляется, центральноазиатским государствам будет целесообразно сфокусировать свое внимание в ближайшие десять лет.

Авторы поставили ряд вопросов к исследованию:

Каким видят будущее своего региона молодые интеллектуалы из стран Центральной Азии?

Какие современные тенденции ведут к фундаментальным изменениям в регионе завтра?

Как повлияет на развитие региона ожидаемая смена поколений?

Приведет ли к росту экономики региона поиск новых моделей экономического роста?

Какую роль сыграет география региона в контексте надвигающихся геоэкономических и геополитических изменений?

Насколько назревающие внутренние изменения повлияют на развитие Центральной Азии как единого региона?

⁽¹⁵⁾ В работу над настоящим прогнозированием будущего Центральной Азии посредством развернутого экспертного интервью были вовлечены более 150 представителей политического истеблишмента, деловых кругов и академических сообществ из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Кроме того, участники сценарной рабочей группы в течение 2015-2016 годов неоднократно дискутировали с экспертами о ситуации в Центральной Азии и ее будущем на различных интеллектуальных площадках и международных форумах в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, России, Китае, США, Турции и ФРГ. Значительная часть экспертов из стран Центральной Азии была представлена участниками регионального нетворка молодых лидеров SAMCA (Central Asia, Mongolia, Caucasus and Afghanistan), формируемым под эгидой Школы современных международных исследований при Университете Джонса Хопкинса (SAIS, Johns Hopkins University) и Фонда Рамсфельдов (The Rumsfeld Foundation).



Будет ли меняющийся регион более взаимосвязан – как политически, так и инфраструктурно – и более ориентирован на кооперацию?

Какие имеются возможности для развития и что может угрожать благоприятным перспективам?

Какие уроки можно извлечь из проработанных коллективными экспертными усилиями сценариев возможного будущего?

Большую дилемму для развития региона представляют собой два вопроса: как отразится смена поколений (*в том числе в политическом истеблишменте*) на политической жизни стран Центральной Азии, а также будут ли наблюдаемые сегодня процессы внутри и вокруг региона способствовать экономическому росту центральноазиатских стран?



I. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

«Пока мы не вникнем мыслью в то, что есть, мы никогда не сможем принадлежать тому, что будет». – Мартин Хайдеггер

Центральная Азия – это очень сложный, противоречивый и неоднозначный регион. В этом его уникальность, проблемы, риски и возможности. Сегодня ведущие мировые «фабрики мысли» активизировали работы по прогнозированию развития ситуации в Центральной Азии и выработке стратегий для дальнейшего расширения влияния в регионе. В целом, аналитиками ведущих «мозговых центров» признается растущая роль, которую Центральная Азия играет в мировой политике.

При этом роль эта трактуется несколько своеобразно: надеваемый ею регион предстает не как самостоятельный политический игрок, но как «поле сражения» или «шахматная доска» ведущих мировых держав. Такие обобщенные штампы не отражают ситуацию внутри региона и его меняющуюся роль в евразийской геополитике и геоэкономике.

Поскольку речь идет об очень идеологизированной сфере, всегда имели и будут иметь место намеренные искажения и определенные передергивания используемых фактов и аргументации. Таким образом, в результате ангажированности в подходах экспертов к оценкам региональной ситуации и выработке рекомендаций представителями зарубежных политических элит могут приниматься неверные, а иногда и опасные, с точки зрения Центральной Азии, решения.

Обладая важным геостратегическим значением, огромными природными ресурсами, высоким транзитно-транспортным потенциалом, Центральная Азия является зоной пересечения интересов и устремлений внешних центров сил. При этом в новых геополитических реалиях их стратегические цели и подходы по ряду аспектов сотрудничества в регионе совпадают и не всегда находятся в состоянии конкуренции.



Характерной тенденцией в западных и китайских оценках стало то, что постсоветская Центральная Азия уже не воспринимается в качестве исключительной зоны влияния России. В результате другие глобальные игроки выстраивают все более активные планы переустройства региона, исходя из своих стратегических интересов. Это настораживающий тренд, говорящий об усилении конкуренции и накала борьбы за контроль над регионом, роль которого в мировой геополитике изменяется.

Экономики стран региона находятся в состоянии неопределенности развития и вялотекущего спада.



⁽¹⁶⁾ Ситуация усугубляется тем, что ожидается дальнейшее сокращение экспортных доходов Туркменистана, по причине снижения цены и объема поставок. В начале января 2016 года «Газпром» остановил закупки газа у Туркмении, а затем разорвал контракт с «Туркменгазом». Наряду с Китаем, Россия была одним из основных покупателей туркменского природного газа. Ежегодный объем закупок российской стороны составлял 10 млрд куб.м. (фактически, менее 5 млрд куб.м.) газа, при общем объеме туркменского экспорта газа – 45 млрд куб.м. Таким образом, для обеспечения прежних темпов роста Ашхабаду необходимо найти покупателя на высвободившиеся объемы газа после ухода «Газпрома» с рынка. Что будет достаточно сложно сделать, т.к. Иран не стремится возобновить поставки туркменского газа, и сам обладает также большими запасами газа, газопровод ТАПИ все еще остается под большим вопросом, переговоры между Китаем и Индией о спотовых поставках (где мог быть востребован дополнительный объем туркменского газа и ввод в строй 4-й нитки туркменско-китайского газопровода) газа также продвигаются очень медленно, при этом Узбекистан и Казахстан увеличили поставки своего газа через китайский газопровод.

Рост ВВП Казахстана в 2015 году составил 1,2%, в 2016 – 1,1%, что ниже пятилетнего среднего роста на уровне 4,6% ⁶. (Хотя международное рейтинговое агентство Fitch ожидало, что рост экономики Казахстана составит минус 1% в 2016 году). По итогам 2015 года ВВП Туркменистана увеличился лишь на 6,5%, в 2016 – 6,2% ⁷, по сравнению с 10%-ными показателями в предыдущие годы ⁽¹⁶⁾. В 2015 году рост ВВП Узбекистана сократился до 7,9%, в 2016 составил 7,8% ⁸ и, по прогнозам МВФ, будет держаться в диапазоне 6,5-7% до 2020 года⁽¹⁷⁾. Рост ВВП Кыргызстана в 2015 году составил 3,9%, в 2016 –

6 https://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNationalAccountIntegrated?_afLoop=1353537236592871#%40%3F_afLoop%3D1353537236592871%26_adf.ctrl-state%3Dmp21oxzy0_89

7 <http://www.stat.gov.tm/ru/main/info/social-econ/esasy-soc/osnovnyie-itogi-soczialno-ekonomicheskogo-razvitiya-turkmenistana-za-2016-god.pdf>

8 <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/natsionalnye-scheta/2164-tempy-rosta-valovogo-vnutrennego-produkta-respubliki-uzbekistan->



3,8%⁹.⁽¹⁸⁾ Основные макроэкономические риски для развития региона на сегодня связаны с необходимостью реализации структурных реформ⁽¹⁹⁾.

В более широком смысле очевидно, что **модели экономического роста стран региона постепенно исчерпывают себя.**

Во многом центральноазиатские экономики сохраняют сырьевой характер. При этом динамика цен на основные экспортные товары государств Центральной Азии – нефть, газ и металлы остается нестабильной⁽²⁰⁾. На фоне неблагоприятной внешней конъюнктуры у правительств возникают сложности с исполнением бюджета, проведены чувствительные девальвации национальных валют. Положение дел усугубляется падением совокуп-

po-vidam-ekonomicheskoy-deyatelnosti-za-2000-2016gg-v-protsentakh-k-predydushchemu-godu

9 <http://www.stat.kg/ru/statistics/nacionalnye-scheta/>



⁽¹⁷⁾ При этом необходимо учитывать, что официальная статистика не поддается независимой верификации. Некоторыми экспертами допускается, что в реальности рост ВВП Узбекистана варьируется в рамках 4-5 %.

⁽¹⁸⁾ В условиях кыргызской экономики необходимо отметить падение объемов реэкспорта, вызванное снижением экономического роста в соседних странах - основных торговых партнерах Кыргызстана и закрытием крупных вещевых рынков «Дордой» и «Карасу».

⁽¹⁹⁾ С развитием международной торговли и все большим вовлечением в процессы глобализации регион испытывает трудности в связи с зарегулированностью и закрытостью экономик в центральноазиатских странах. В долгосрочной перспективе регион сталкивается со стратегическим тупиком, т.к. чем больше откладывается проведение реформ, тем болезненнее они в итоге окажутся для населения, что создает угрозу дестабилизации политических систем.

⁽²⁰⁾ Согласно прогнозу Всемирного банка (доклад «Перспективы товарно-сырьевых рынков», октябрь 2017 года), цены на энергоносители, которые включают нефть, природный газ и уголь, повысятся только на 4% в 2018 году после скачка на 28% в текущем году. В предстоящем году ожидается стабилизация индекса цен на металлы после подъема цен на 22% в 2017 году. Цены на сельскохозяйственное сырье в 2018 году также немного вырастут. В среднесрочном периоде, до 2030 года среди основных экспортных товаров стран Центральной Азии, согласно прогнозам Всемирного банка, ожидается умеренный рост номинальных цен на алюминий, нефть, природный газ, пшеницу, хлопок и сокращение цен на золото.



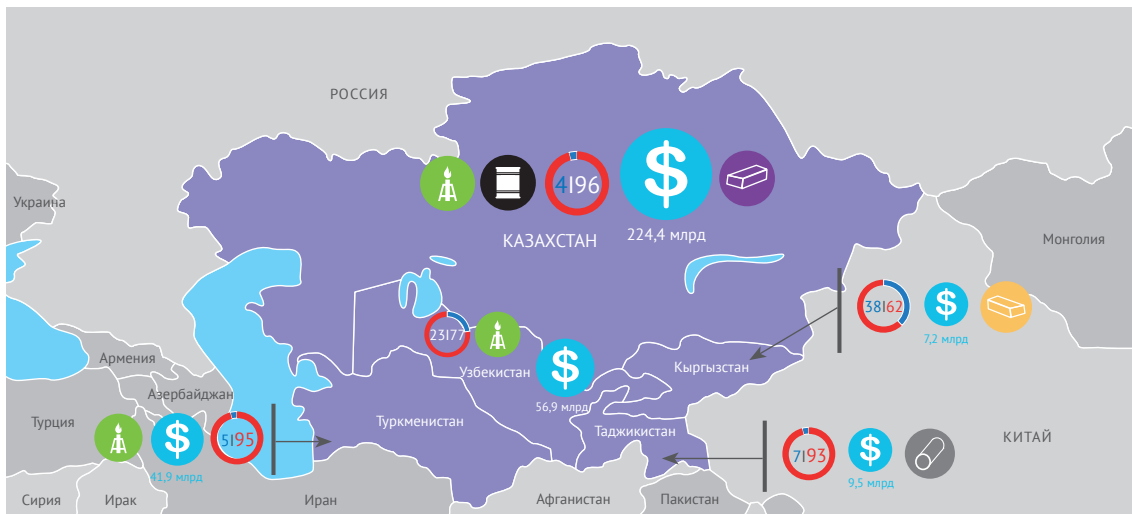
ного спроса на центральноазиатский экспорт со стороны Китая, вызванным замедлением его экономики⁽²¹⁾. В случае Казахстана модель роста, ориентированная на конвертацию нефтегазовых доходов в национальное развитие сталкивается с вызовами, учитывая долгосрочное понижение стоимости нефти на мировых рынках⁽²²⁾. Проблема поиска новой модели экономического роста актуальна и для Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана⁽²³⁾.



(21) Рост ВВП КНР в 2016 году снизился до 6,7% по сравнению с 6,9% в 2015 году, по данным Нацбюро статистики КНР, – самый низкий уровень роста за 10 лет. В 2015-2016 годах внешнеторговые показатели Китая сокращались. Особенно в 2016 году, когда, по данным Главного таможенного управления КНР, показатели объемов товарооборота, экспорта и импорта уменьшились, соответственно, к 2015 году на 6,8%, 7,7% и 5,5%, хуже, чем среднемировые показатели. Доля Китая в мировом экспорте по сравнению с 2015 годом сократилась с 13,8% до 13,5%, в импорте – с 10,2% до 10,1%. При этом, по итогам 2015 года, экспорт КНР снизился на 2,8%, а импорт на 14,1%. Падение цен на нефть в два раза за полгода стало самым заметным событием на рынке сырьевых товаров в 2014 году. Однако цены на другие виды сырья также снижаются, и причина, зачастую, та же, что и на рынке нефти, – превышение предложения над спросом.

(22) В качестве альтернативы «нефтегазовой» модели роста Астана делает ставку на развитие логистики и транспортных артерий. Налаживание логистической и транзитной инфраструктуры через территорию республики способствует реализации огромного транзитного потенциала Казахстана.

(23) Несмотря на определенные успехи, модель роста, основанного на экспорте сырья и притоке денежных переводов, характеризуется своей неустойчивостью, что создает ряд серьезных проблем в долгосрочной перспективе.



ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ЭКСПОРТНЫХ ТОВАРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ



Усиливается дисбаланс в развитии Центральной Азии.

Так, увеличивается сильный разрыв в экономическом развитии стран региона. В частности, разница между самым крупным и самым маленьким ВВП в регионе составляет сегодня более 37 раз. Доля торговли с соседями составляет от 3 до 7% в экспортных операциях центральноазиатских стран.

Кроме того, Центральная Азия – это наименее внутренне взаимосвязанный регион, где страны разобщены по многим параметрам (в инфраструктурном, политическом, договорно-правовом аспектах) ⁽²⁴⁾. Это прослеживается и во внутрирегио-

(24) Проблемными участками внутри региона являются границы Узбекистана с Таджикистаном и Кыргызстаном. В Ферганской долине сохраняются восемь анклавов, из них в Кыргызстане находятся четыре узбекских анклава и два таджикских. В Узбекистане расположены кыргызский и таджикский анклавы. Кроме того, только в Кыргызстане расположены порядка 30 полуанклавов. Данные вызовы создают трудности для населения, вкупе с другими объективными факторами (усиливающийся дефицит водных и земельных ресурсов, сложная демографическая ситуация, экологические проблемы) служат источниками периодической напряженности в регионе.



нальных транспортных сообщениях: ¹⁰ ограниченные железнодорожные пути, которые составляют от 1 до 3 маршрутов внутри региона между странами. Или, например, авиасообщения внутри Центральной Азии: всего от 2 до 16 рейсов в неделю. При этом только с 2017 года возобновилось прямое авиасообщение между Душанбе и Ташкентом. А для сравнения из Туркменистана в Турцию осуществляются свыше 116 рейсов в неделю (на этом направлении из Казахстана и Узбекистана еженедельно осуществляется всего 1-5 рейсов)⁽²⁵⁾. В Россию из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана еженедельно летают от 84 до 116 рейсов в неделю. Этот вызов, значительно сдерживающий раскрытие экономических возможностей для роста, еще предстоит преодолеть в ближайшие годы.

Страны, сильно зависящие от экспорта сырья, быстрее всего

экономически росли во время сырьевого суперцикла,

а теперь столкнулись со структурными экономическими, социальными и политическими проблемами. Как ожидается, ресурсодобывающие страны будут больше инвестировать в перерабатывающие производства, что приведет к диверсификации их экономик и мирового спроса на сырье.¹¹

Индустриальному развитию стран Центральной Азии препятствуют малый масштаб экономик, технологическая отсталость, а также проблемы корпоративного управления, когда управление предприятиями осуществляется на основе старого неэффективного административно-командного стиля. В результате доля промышленности в структуре ВВП региона фактически (за редкими исключениями) не растет⁽²⁶⁾. В результате и уровень миграционной мобильности в регионе остается высоким, что

(25) Среди причин такого разрыва в численности между внутренними и внешними авиасообщениями выделяется высокий спрос, обусловленный, в частности, миграционными потоками в Россию (из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана) и Турцию (из Туркменистана). Небольшое число авиарейсов между странами региона говорит о небольшом спросе и потребностях (в основном эти рейсы используются для транзита), которые отражают и невысокую внутрирегиональную деловую активность.

(26) Хотя природные ресурсы продолжают играть важную роль в глобальной экономике, золотой век сырьевого суперцикла закончился. В этих условиях страны, основным источником доходов которых являлся экспорт углеводородов и металлов, будут сталкиваться с новыми вызовами. Доходы бюджета упадут, что потребует, как сокращения расходов, так и поиска новых источников роста. Диверсификация экономики, проведение структурных реформ и улучшение инвестиционного климата из лозунгов превращается в насущную необходимость.

Источник: Евразия на перепутье: будущее мегаконтинента в глобальном мире. – Астана: Astana club, 2016. – С. 51

¹⁰ The Transport Sector in Central Asia. – OSCE: Central Asia Data Gathering and Analysis Team, 2012.

¹¹ <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/03/18/citi-v-sleduyuschie-10-let-spros-na-sire-budet-nizkim>



связано с сокращением числа создаваемых рабочих мест.

Процесс бурного развития городов одновременно сопровождается и процессом деурбанизации⁽²⁷⁾.

Современные процессы урбанизации в Центральной Азии происходят неравномерно. В одних областях доля городского населения уже достаточно высока, в других до сих пор преобладает сельское. Особенно быстрыми темпами растет население крупных городов, в которых живет значительная часть жителей региона⁽²⁸⁾. Так, с 1991 года доля городского населения в Узбекистане увеличилась на 10,2%, Казахстана – 5%, Туркменистана – 2%. В то же время в Кыргызстане этот показатель понизился на 2%, а в Таджикистане на 9%⁽²⁹⁾. В результате основная часть трудовых ресурсов региона сосредоточена



⁽²⁷⁾ Создание и развитие большинства современных городов в странах Центральной Азии происходило в советский период и было подчинено интересам политики размещения производственных сил в рамках единого хозяйственного комплекса СССР. После распада Советского Союза в 1991 году страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) представляли собой, в основном, аграрно-индустриальные экономики с преобладающим сельским населением. В конечном итоге все страны региона сегодня сталкиваются с комплексом вопросов о перспективах своей территориальной организации, выстраивании новых пространственных каркасов, отвечающих интересам социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. Источник: Урбанизация в Центральной Азии: вызовы, проблемы и перспективы. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2013. – С. 12-13.

⁽²⁸⁾ Как отмечал А. Данков, в 2014 году, в 7 крупнейших городах региона (Ташкент, Алматы, Астана, Шымкент, Бишкек, Душанбе, Ашхабад) проживало более 8 млн человек или около 12% населения. Численность людей, населяющих эти города, за последние 25 лет выросла в 1,5–2 раза. Абсолютным лидером роста (почти в 3 раза) стала Астана. На сегодня крупнейшие города Центральной Азии – Ташкент и Алматы – по численности населения занимают, соответственно, 4-е и 7-е место на территории бывшего СССР. Источник: Данков А. Крупные города в Центральной Азии: между демографией и политикой. – РСМД, 2015. / <http://russiancouncil.ru>

⁽²⁹⁾ Так, в Казахстане проводилась политика индустриализации и развития капиталоемких производств в сфере добычи минерального сырья, которая предполагала усиление роли крупных и средних городов как центров добычи минерального сырья. При этом в стране произошло сокращение доли городского населения в малых и средних городах и значительное (на 7% за 20 лет) уменьшение доли сельского населения. Основные проблемы урбанизации в Таджикистане – сокращение доли городского населения (с 37,1% в 1970 г. до 26,6% в 2010 г.) вследствие деиндустриализации и миграции, вызванной безработицей, а также такими причинами, как асимметричность и раздробленность расселения, отсутствие на селе социально-культурной и транспортной инфраструктуры. Причинами дезурбанизации в Кыргызстане (с 38,2% до 33,9%) также стали структурные сдвиги в экономике (сокращение промышленности,



рост аграрного сектора, обострение проблемы занятости). Ситуация в Узбекистане и Туркменистане характеризуется неравномерной урбанизацией по регионам, существенной долей аграрного сектора в национальной экономике, а также тем, что половина населения в этих странах проживает в сельской местности. Вместе с тем, обе страны в настоящее время стремятся перейти от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной модели развития. Источник: http://tajikta.tj/news/detail.php?ID=13730&VOTE_ID=2&view_result=Y

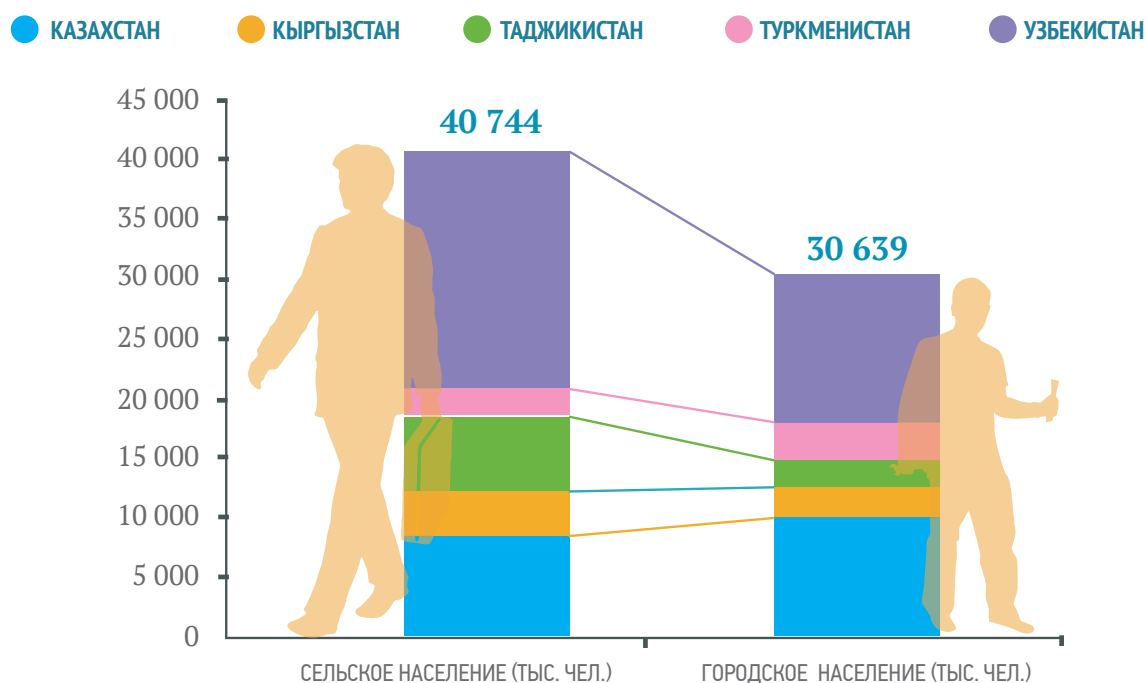
в сельском хозяйстве, которое в свою очередь демонстрирует низкую производительность труда практически во всех странах Центральной Азии. Так, по оценкам, каждый второй из 32-миллионного населения республики живет в сельской местности, и 27% жителей заняты в сельскохозяйственном секторе¹². По оценкам экспертов, в ближайшие 10-15 лет сельское население будет преобладать в Центральной Азии (по причине более высокой рождаемости, в сравнении с городским).¹³

¹² Узбекистан проигрывает войну с опустыниванием / <http://russian.eurasianet.org/node/63236>

¹³ Урбанизация в Центральной Азии: вызовы, проблемы и перспективы. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2013.



ДОЛЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЦА В 2025 Г.





Обостряется проблема нехватки водных ресурсов для полива и питья.

Объем водных ресурсов в регионе постепенно сокращается, из-за климатических изменений происходит таяние ледников⁽³⁰⁾, что приводит в том числе и к снижению общего стока рек. Одновременно в связи с высокими темпами роста населения в регионе отмечается рост уровня потребления воды. По данным международного научного журнала Nature, в регионе на каждый доллар ВВП потребляется 2,5 кубометра воды, что ставит центральноазиатские республики в ряд мировых лидеров по неэффективному использованию водных ресурсов. В перспективе проблема воды может приобрести конфликтный характер⁽³¹⁾.

Все ключевые страны региона вошли в полосу т.н. транзита власти.

Основными характеристиками этого естественного процесса являются смена лидерства и попытки конституционных изменений, направленных на перераспределение властных полномочий в рамках сложившегося баланса сил в элитах. Важным условием стабильности транзита служит высокая степень консолидации политической элиты. Вызовом этого процесса выступает слабая степень институционализации при высокой роли неформальных институтов. Клановые структуры все еще остаются важным фактором общественной организации и политической жизни стран Центральной Азии. В условиях специфического развития политических институтов, характерного для всех стран региона, неформальные кланы являются выразителем интересов различных слоев общества на государственном уровне.

Происходит постепенный выход на общественную авансцену новых поколенческих групп.



(30) Критическая ситуация складывается в горах Джунгарского Алатау, на границе Казахстана и Китая. Здесь ледники сокращаются с небывалой скоростью до 0,8% в год по площади и до 1% по объему льда. Таяние ледников приводит к росту оползней и сходу селей. Площадь ледников в ЦА по сравнению с 1957 годом сократилась на 25%. Таяние ледников негативно сказывается на двух главных реках региона – Амударье и Сырдарье, от которых крайне зависим ограниченный в водных ресурсах Казахстан: в Сырдарье водный сток за последние годы уменьшился на 7%. В Таджикистане насчитывалось более 14 тыс. ледников, более тысячи исчезли за последние годы. В ближайшие десятилетия возможно уменьшение водных ресурсов по бассейну реки Амударьи на 10-15%, а по Сырдарье – на 2-5%, что усилит водный кризис в Центральной Азии.

(31) Проблема заключается в массовых потерях воды из-за устаревших методов орошения. В частности, в Узбекистане полив сельскохозяйственных земель производится арычным способом, что увеличивает расход воды в несколько раз. Притом, что орошаемое земледелие является основой сельского хозяйства Узбекистана, на которое приходится 90% всех потребляемых страной водных ресурсов. Параллельно с этим растут площади сельскохозяйственных земель, пришедших в негодность в связи с засолением почвы. Так, в Казахстане наиболее остро проблема деградации орошаемых земель отмечается в районе Приаралья.



На сегодня в центральноазиатских странах сформировались новые элиты, не обладающие советской идентичностью и связанными с нею идеологическими убеждениями⁽³²⁾.

В каждой из стран Центральной Азии более половины населения составляет молодежь до 30 лет, получившая среднее образование в рамках национальной школьной системы и которая

не испытала непосредственного влияния общих «советских» ценностей. Все эти изменения окажут воздействие на следующее поколение жителей Центральной Азии. «Советская идентичность» здесь очевидным образом исчезает, что заметнее всего для людей старшего поколения. В свою очередь, уход с политической сцены И. Каримова, по мнению экспертов, маркирует предстоящую смену всего слоя поколений постсоветских политиков.

Началось обновление политической элиты за счет вовлечения взрослеющей молодежи.

В Казахстане постепенно на передний план выходят молодые управленцы или т.н. поколение «болашаковцев»⁽³³⁾, получивших образование за рубежом (в основном, Великобритания, Канада, США, Германия, Франция и др.). Представители этой группы уже занимают высокие посты в правительстве и регионах республики, они преобладают на средних и низших этапах управления⁽³⁴⁾. Изменения происходят и в других странах региона, но драйверы обновления везде разные. В Кыргызстане обновление произошло в результате драматических процессов 2005 и 2010 годов, когда элита радикально зачищалась в ходе революционных сценариев, а ее состав заметно менялся. В результате в правительство пришло много молодежи. В Узбекистане все эти годы также шел процесс подготовки новых профессионалов (в

(32) Идет процесс последовательной десовитизации Центральной Азии: связь с общим прошлым эпохи СССР уменьшается, новое поколение очень плохо знакомо с историей (выступающей связующим элементом), меняется роль русского языка, как языка межнационального и межстранового общения, – в регионе развиваются межстрановые сетевые группы, которые общаются между собой на английском или турецком языках.

(33) Выпускники программы «Болашак», основанной на базе образовательной стипендии Президента Казахстана Н.А.Назарбаева в 1994 году для воспитания нового поколения государственных менеджеров, профессионалов с новыми навыками и знаниями. За весь период по программу прошли обучение почти 12 тыс. человек.

(34) К этой группе можно отнести и молодых профессионалов, получивших зарубежное образование самостоятельно за счет собственных средств или по иностранным грантам. Кроме того, наличие зарубежной магистратуры и знание английского языка становятся необходимыми критериями при поступлении на государственную службу, т.е. уже стали своего рода минимальными стандартами профессионализма. Конечно, это не идеальный процесс, здесь возникают определенные нюансы, но, в целом, программа уже начала давать свои плоды. В этом случае инвестиции в человеческий капитал и продвижение на все уровни управления людей с новым бэкграундом является частью государственной стратегии.



том числе и за рубежом), но, думается, что заметное кадровое обновление элиты произойдет в первые несколько лет после ухода первого президента Узбекистана И. Каримова⁽³⁵⁾.

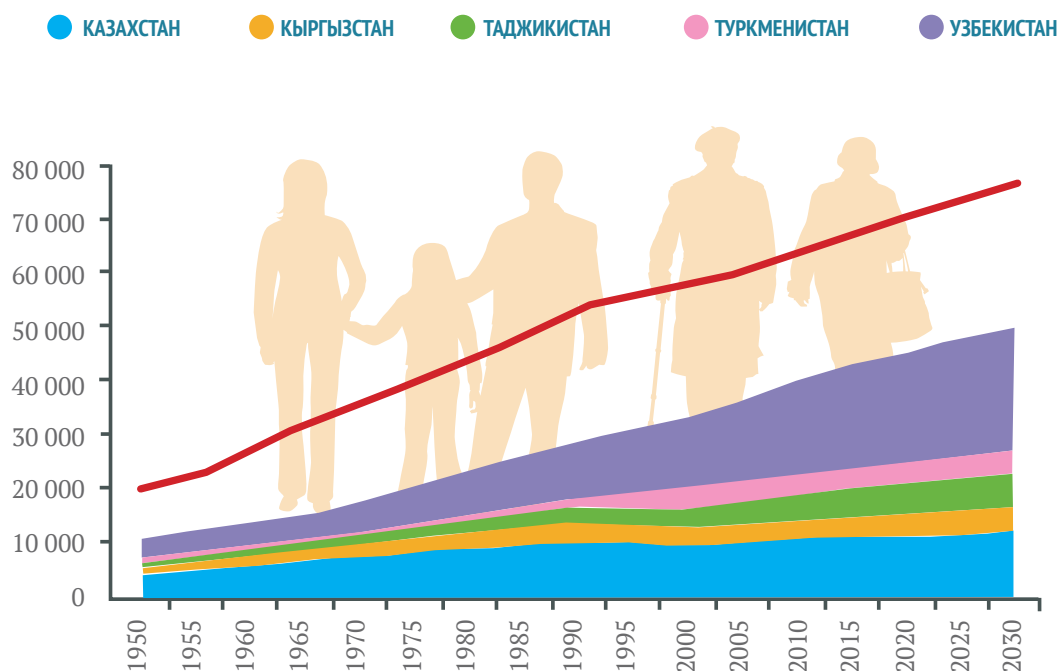


(35) Это, в частности, ощущается в заметных изменениях в политике нового руководства Узбекистана. Осенью 2016 года Ташкент пошел на явное сближение со своими соседями: узбекские официальные делегации были направлены в соседние области в Таджикистане и Кыргызстане, начались переговоры между ведомствами Узбекистана и Таджикистана, ответственными за регулирование водных ресурсов, а это дает надежду на снижение напряженности в сфере совместного использования воды и земли. Кроме того, в 2017 году возобновились переговоры о поставках узбекского газа в Таджикистан. В октябре 2017 года в Ташкенте прошел бизнес-форум, где торгово-промышленные палаты двух стран заключили соглашение о создании Делового совета. В ноябре

2017 года проведено заседание узбекско-таджикской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, состоялись три встречи рабочих групп правительственных делегаций по делимитации межгосударственной границы. Также в августе 2017 году возобновилась работа узбекско-кыргызской межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству и по вопросам делимитации и демаркации границы. Узбекистан намерен активно увеличивать двусторонний товарооборот и инвестиционное сотрудничество с Таджикистаном и Кыргызстаном.



НАСЕЛЕНИЕ В ВОЗРАСТЕ 15-64 ЛЕТ В СТРАНАХ ЦА В 2025 г.

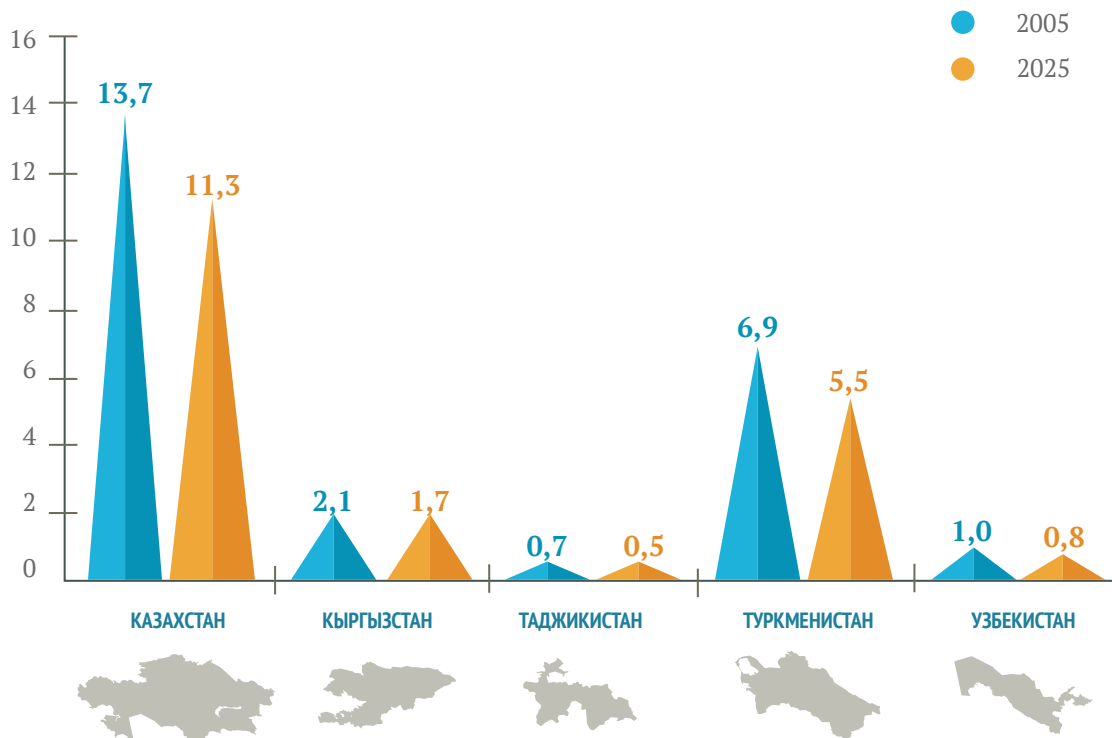


Прогнозы UNDESA

Демографический рост обусловит обострение проблем социально-экономического развития Центральной Азии: в ближайшие десятилетия численность населения может достичь 80-84 млн человек. Этот рост усугубляет проблему нехватки земельных и водных ресурсов. По мнению экспертов, регион страдает от аграрного перенаселения, – здесь фактически достигнут минимальный предел площади плодородных земель на одного человека. Расширение обрабатываемых земель (экстенсивный путь) за счет орошения невозможно, так как в регионе все острее встает проблема нехватки воды. Интенсификация сельского хозяйства невозможна из-за недостатка удобрений, техники и специалистов. В результате в аграрных районах Центральной Азии происходит снижение урожайности, почвы деградируют, сельское хозяйство становится неэффективным. Как следствие, растёт безработица. Население фактически «выталкивается» из сельской местности.



СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ, КВ. КМ.



Расчеты на основе данных World Development Indicators и UNDESA

Возвращение большого числа трудовых мигрантов из России способно создать как социальные, так и политические проблемы в странах Центральной Азии.

Возвращение трудовых мигрантов в большом количестве усиливает давление на внутренний рынок труда в Таджикистане и Узбекистане, которые не готовы к приему новых работников и усугубляет ситуацию с безработицей ⁽³⁶⁾.

Трудовая миграция обеспечивает отток наиболее активной части мужского населения, что значительно снижало протестный потенциал общества. Население Центральной Азии достаточно молодое, средний возраст – 26 лет. Так, трудоспособная часть жителей региона в возрасте от 15 до 64 лет в ближайшей перспективе, по оценкам, может составить 65-67%, что означает сохранение нагрузки на местные рынки труда. «В условиях не-



⁽³⁶⁾ По оценкам специалистов, денежные переводы сыграли ключевую роль в сокращении уровня бедности в Таджикистане и Кыргызстане. Доказано существование значительного положительного эффекта денежных переводов как на микро- (домашние хозяйства), так и на макроэкономическом уровне.



способности государств региона обеспечить необходимое количество рабочих мест единственным выходом остается увеличение экспорта рабочей силы».¹⁴

В долгосрочной перспективе влияние трудовой миграции на рост экономики выглядит неоднозначным.

Трудовая миграция негативно влияет на экономическое развитие в связи с оттоком из страны местных профессионалов (преподаватели, врачи, инженеры, агрономы и др.)⁽³⁷⁾.



⁽³⁷⁾ В результате местный рынок труда испытывает недостаток квалифицированных работников практически во всех областях промышленности. К тому же, из-за миграции граждане все больше теряют свою квалификацию, так как подавляющее большинство мигрантов за границей занимается полуквалифицированным или неквалифицированным трудом.

⁽³⁸⁾ Сокращение объема денежных переводов ведет к падению уровня доходов значительной части населения стран-экспортеров рабочей силы. По расчетам экономистов, в Таджикистане денежные переводы равняются более 40% ВВП страны, в Кыргызстане – более 30%, что является одним из самых высоких показателей в мире. Кроме того, кризис вынуждает мигрантов уезжать из России. Из-за девальвации рубля зарплаты резко сократились, а фронт работ стал существенно меньше. В Центральной Азии главным поставщиком рабочих рук на российский рынок труда является Узбекистан: 1,1 млн граждан этой страны находились в России на 1 октября 2017 года. По сравнению с 2016 годом их численность выросла на 147 тыс. чел., но с 2014 по 2016 годы она снизилась на 723 тысячи / <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/society/social-organizations/44842-trudovuyh-migrantov-menyshhe-ne-stalo.html>. По данным Миграционной службы РФ, граждан Таджикистана на ту же дату – 608 тыс. чел, Кыргызстана – 340 тыс. чел. / <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10735340/> <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>

При сохранении текущей модели роста странам-экспортерам трудовых ресурсов не удастся выйти на путь устойчивого развития. Местный рынок труда будет переживать сложности в связи с оттоком квалифицированной рабочей силы. Это будет сдерживать развитие трудоемких отраслей экономики и снижать инвестиционную привлекательность Центральной Азии. Диспропорция в экономическом развитии регионов выталкивает огромное число людей в города, что, наряду со сложноконтролируемой урбанизацией, обуславливает хаотичный характер внутренней миграции. Негативным последствием этих процессов становится маргинализация части переселенцев и возникновение благоприятной почвы для радикализации.

Трудовая миграция из стран Центральной Азии, играющая важную роль в экономическом развитии и стабилизации региона, меняет свои направления.

По причине кризисных явлений в экономике России, куда направляется большая доля трудовых мигрантов из региона, значительно снизились объемы денежных переводов в регион⁽³⁸⁾.

¹⁴ Данков А. Центральная Азия через 100 лет: после «Большой трансформации». – РСМД, 2013. / <http://russiancouncil.ru>



По данным Центрального Банка РФ,¹⁵ в 2015 году из России в Узбекистан было отправлено физическими лицами переводов на сумму 3,1 млрд долл. по сравнению с 5,7 млрд долл. в 2014 году, т.е. произошло сокращение на 54% в годовом измерении¹⁶. В 2016 году объем переводов в Узбекистан составил уже 2,7 млрд долл. Объем денежных переводов из России в Таджикистан в 2015г. составил 2,2 млрд долл., сократился на 58% к 2014г. (3,9 млрд долл.). В 2016г. объем переводов в Таджикистан еще сократился до 1,9 млрд долл. Сегодня из ранее приоритетного российского рынка труда миграционные потоки перенаправляются в сторону Турции, ОАЭ, КСА, Южной Кореи и др. стран. Это оказывает влияние не только на экономическую жизнь, но и на цивилизационный вектор развития стран региона, – мигранты становятся не только мостом в отношениях с новыми географическими партнерами, но и каналом социокультурных взаимодействий⁽³⁹⁾.

Ближайшее десятилетие будет насыщено с точки зрения процессов формирования новых идентичностей. «Масштабная миграция населения внутри региона и за его пределы, урбанизация и индустриализация, новые процессы в религиозной сфере будут способствовать формированию новых общностей и идентичностей...»¹⁷ Так, ожидается деформация устоявшихся в консервативных обществах традиционных социальных связей и ролей. Например, в ряде стран Центральной Азии уже вырастает поколение «безотцовщины» (в тех семьях, где отцы уехали на долгосрочные заработки за рубеж). Кроме того, можно согласиться с экспертным мнением о значительном изменении роли женщин в исконно восточных обществах. Сегодня в условиях активной миграции мужского населения женщины начинают играть все более активную социальную роль¹⁸, осваивать мужские профессии, и через некоторое время это может привести к эмансипации и выходу на повестку гендерного вопроса.



15 <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>

16 Переводы трудовых мигрантов из России в страны Центральной Азии в 2015 году рухнули на 60 процентов / <http://www.fergananews.com/news/24560>

17 Данков А. Центральная Азия через 100 лет: после «Большой трансформации». – РСМД, 2013. / <http://russiancouncil.ru>

18 Данков А. Центральная Азия через 100 лет: после «Большой трансформации». – РСМД, 2013. / <http://russiancouncil.ru>

⁽³⁹⁾ Специалисты отмечают и прогнозируют сокращение доли русскоязычного населения и русской культуры в Центральной Азии. Тенденция к эрозии «русского мира» будет заметна в бывшей советской Центральной Азии. Изменение роли русского языка в обществах центральноазиатских стран, его нынешнюю роль могут восполнить английский, китайский и турецкий языки, необходимые для трудовой миграции и реализации экономических проектов с международными партнерами.



⁽⁴⁰⁾ «Казахстан рьяно борется за любую возможность получить водные ресурсы у соседей, прежде всего у Кыргызстана. Пример с местностью Каркыра наглядно свидетельствует об этом! Не идут наши соседи и на уступки по участку у города Токмака, где проходит водораздел. В перспективе следует ожидать межгосударственных противоречий по водообеспечению и с соседним Узбекистаном. У них уже натянуты отношения с Таджикистаном по этим же вопросам. Впрочем, водные проблемы Казахстана и Узбекистана будут нарастать, поэтому Кыргызстану следует весьма взвешенно относиться к любым переговорам по этой теме... При всех плюсах и минусах и Узбекистан, и Казахстан будут стремиться получить максимально большую выгоду от соседства с Кыргызстаном, богатым природными и водными ресурсами. Поэтому, поддерживая с ними добрососедские отношения, нам в экономике следует ориентироваться на крупные державы - Россию, США, Китай. От сотрудничества с ними мы получим немало выигрыша...».

Источник: Кожомкулов К. Кыргызстан: плюсы и минусы окружения / http://24.kg/tsentralnaja_azija/34470_kyrgyzstan_plyusy_i_minusy_okruzeniya/

⁽⁴¹⁾ Центральноазиатский вектор во внешней политике Казахстана постепенно теряет прежнюю динамику. В частности, Астана приостановила усилия по продвижению экономической интеграции в регионе и сосредоточивается на обеспечении региональной безопасности и совместного противодействия внутренним и внешним вызовам и угрозам. После нескольких попыток в начале 1990-х гг. участвовать в региональной интеграции Ташкент также изменил курс. Узбекистан сегодня сторонится от участия в многосторонних организациях, которые могли бы поставить под

В самом общем виде можно сказать, что в странах Центральной Азии задерживается формирование региональной идентификации, подразумевающей стремление государств региона связывать свои перспективы с перспективами развития всего региона.

В отдельных странах все еще бытуют неоднозначные и необоснованные стереотипы в отношении друг друга ⁽⁴⁰⁾. До сих пор наблюдается фрагментация региона и постепенный отказ от выстраивания некой общности при отстаивании странами своих национальных интересов. Положение дел на границах между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном, образующими «конфликтный треугольник», остается непростым и отражается на межгосударственных отношениях и межэтнической ситуации в регионе⁽⁴¹⁾.

угрозу его суверенитет. Нерешенные территориальные споры и разногласия по вопросу совместного водопользования обуславливают напряженные отношения Узбекистана с Таджикистаном и Кыргызстаном, в то время как экономическая и политическая конкуренция стали источником недоверия в отношениях с Казахстаном и Туркменистаном. Участились пограничные конфликты в регионе. Ташкент, Бишкек и Душанбе не могут урегулировать между собой пограничные вопросы вокруг Ферганской долины, что существенно осложняет их отношения. Запутанный клубок территориальных проблем усугубляется ростом численности населения в спорных приграничных районах, что в условиях ограниченности природно-климатических ресурсов ведет к обострению конкуренции за землю и воду.



Государства региона характеризуются достаточно высокими рисками, прежде всего, с точки зрения новых угроз безопасности, особенно терроризма и религиозного экстремизма⁽⁴²⁾.

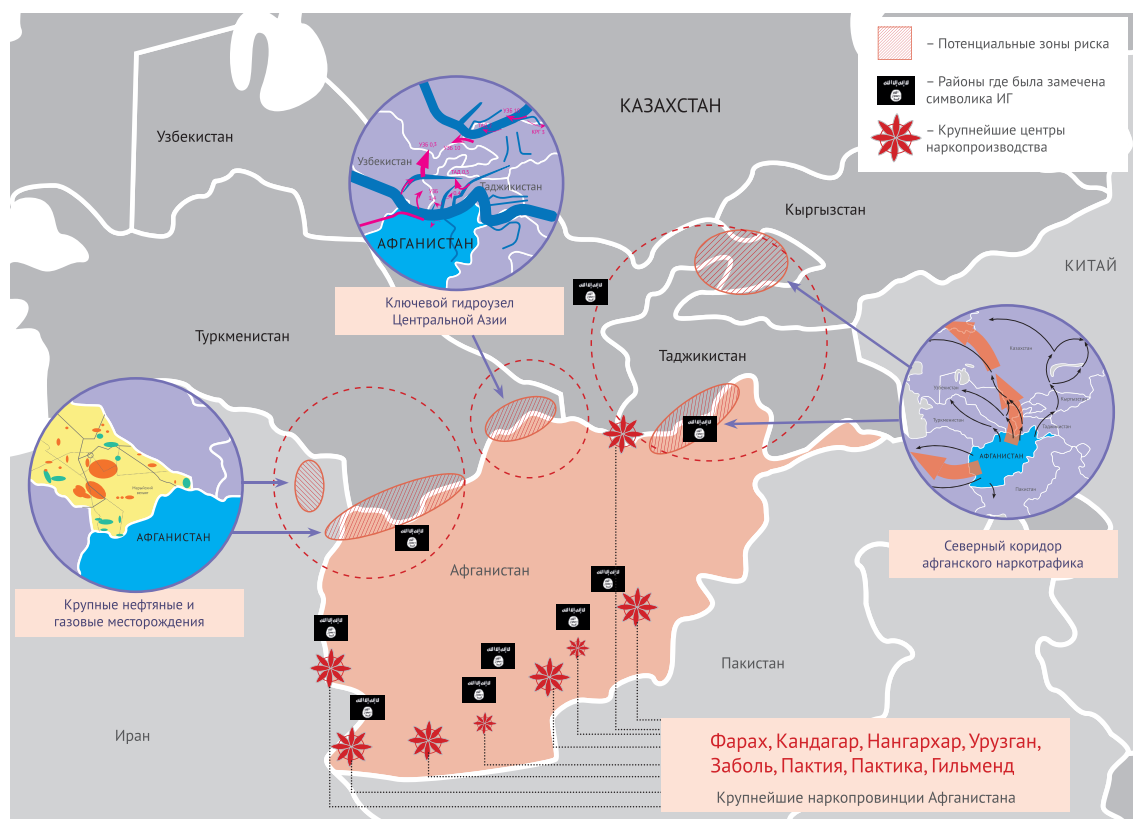
Усиление этих угроз связано с расположенным по соседству Афганистаном. Сохраняют остроту известные нерешенные региональные проблемы (наркотрафик ⁽⁴³⁾, нелегальная миграция, совместное использование водно-энергетических ресурсов). В связи с расширением военной активности в Сирии и выдавливанием международными коалиционными силами незаконных вооруженных формирований с сирийской территории (в частности, в Афганистан) перед странами региона стоит необходимость укрепления пограничной безопасности в противодействии трансграничным угрозам⁽⁴⁴⁾.



⁽⁴²⁾ Внутренние факторы возникновения терроризма и религиозного экстремизма являются следствием сложной социально-политической и экономической ситуации в ряде стран Центральной Азии, маргинализации и социо-культурной деградации определенной части населения. Внешние условия возникновения терроризма и религиозного экстремизма тесно связаны с проблемой Афганистана, соседством с существующими и потенциальными «горячими точками» мира, образующими «исламскую дугу» нестабильности: Кавказом, СУАР Китая, Кашмиром. Несомненно, определяющую роль имеют «тектонические сдвиги» в «Большой» геополитической игре в центре Евразии.

⁽⁴³⁾ По информации экспертов Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), порядка 15-20% афганского героина транспортируется через Центральную Азию в Россию и Европу. Стоимость ежегодного объема опиатов, провозимых по «северному маршруту» составляет примерно 350-400 млн. долл. США.

⁽⁴⁴⁾ Центральная Азия, в том числе и Казахстан, находится в списке ключевых географических приоритетов движения и на карте перспективного территориального развития халифата обозначается как широкая область под названием «Хорасан». Сегодня ИГИЛ энергично укрепляется в Афганистане, что уже прямо сказывается на центральноазиатской безопасности (напряженность на границе с Туркменистаном, концентрация боевиков, поддержка ИГИЛ со стороны «Исламского движения Узбекистана» и др.). По всей вероятности, в числе приоритетов ИГИЛ в Афганистане помимо расширения ареала влияния и рекрутирования боевиков выступают и вполне прагматичные задачи – получение новых мощных и постоянных каналов финансирования. Такими источниками в регионе, в частности, выступают: во-первых, наркотрафик из Афганистана. во-вторых, нефтегазовые месторождения и другие природные ресурсы. Наиболее вероятным местом удара выступает региональный гидроузел в районе Амударьи. Взятие этого района под контроль создаст мощнейший рычаг давления на все страны региона. В-третьих, в числе задач террористов и создание рычагов давления на крупные соседние страны. Так, в туркменско-афганском приграничье проходят сразу два стратегически важных трубопровода – в Россию и Китай.



⁽⁴⁵⁾ Государства региона пока еще находятся на стадии определения своего геополитического будущего, выбирая между традиционными, исторически обусловленными связями – Россия, объективной прагматичностью – США и тактическими экономическими выгодами для возможного дальнейшего самостоятельного укрепления (выбор в пользу Пекина). При этом имеется четкое понимание, что выбор в пользу одного центра силы не исключает возможность «геополитического флирта» с другими сильными игроками. В долгосрочном плане государства Центральной Азии вряд ли будут ориентироваться на различные геополитические векторы.

Регион переживает период активного вовлечения в геополитические и геоэкономические процессы в Евразии, затягивания стран региона в различные, порой противоречащие форматы кооперации⁽⁴⁵⁾.

Перед странами региона стоит вызов – как использовать разные форматы сотрудничества с тем, чтобы они не разделяли его, а создавали возможности роста. Сегодня часть стран Центральной Азии – Казахстан и Кыргызстан – уже являются членами евразийской экономической интеграции с участием России. Таджикистан, судя по всему, скорее всего, скоро также вступит в ЕАЭС. При этом регион является важным элементом в стратегической



инициативе Китая по созданию Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Вопрос сопряжения двух активно развивающихся региональных проектов, пока разделяющих Центральную Азию на два лагеря (не все участники ЭПШП, являются членами ЕАЭС), находится в стадии переговоров.

Очевиден пересмотр Евросоюзом и Соединенными Штатами своих региональных стратегий. С 2015 года свои позиции в Центральной Азии пытается укрепить ЕС, который также заинтересован в использовании региона как сухопутного моста для торговли между Востоком и Западом.

В рамках диалоговой платформы C5+1 Вашингтон пытается не смотреть на развитие региона только через призму своих отношений с КНР и РФ (по крайней мере, открыто не заявлять об этом). Этот подход не ставит перед странами ЦАР проблему выбора внешней ориентации, что также создает для США больше возможностей для кооперации⁽⁴⁶⁾.

Сегодняшний разлом по линии Восток-Запад значительно отличается от времен холодной войны, когда негласно признававшиеся «неприкосновенными» геополитические сферы влияния были разграничены, а остальные территории не стоили того, чтобы ради них идти на риск прямого конфликта. Период 2017-2027 годов будет также значительно отличаться от первых двадцати шести лет, прошедших после окончания холодной войны, в течение которых глобальным игрокам удавалось избежать серьезных противоречий, прежде всего, потому, что Россия и Китай неохотно, но принимали лидерство Запада. Кроме того, одна из линий разлома между

(46) Для региона важно, что в рамках C5+1 США направят свои усилия по подключению Центральной Азии к мировой экономике. США пытаются позиционировать себя в качестве «связующего моста» для диалога стран Центральной Азии между собой. Правда, эффективность американской диалоговой платформы всегда была под вопросом, но сейчас у американцев есть хороший пример: Китай оказался способен содействовать кооперации всех стран Центральной Азии под эгидой китайских проектов. С 2008 года Пекин уже построил несколько ниток газопровода «Центральная Азия – Китай», проходящих через все страны ЦА. Это значит, что Китай сумел добиться от них координации своей энергетической политики, т.к. это позволяет всем странам зарабатывать. Такие примеры есть и в других областях. Американцы, судя по всему, стремятся максимально встроиться в региональные процессы при содействии и поддержке самих стран Центральной Азии (для США важно, что инициатива исходит из региона). Тем самым, Вашингтон обретает легитимность в сохранении присутствия в регионе. Это позволит США использовать возможности в меняющемся транс-евразийском экономическом сотрудничестве, а также контролировать (или направлять) активность Китая в Евразии. США решили открыто не конкурировать с китайской инициативой, а включиться в нее – и за счет этого реализовать свои собственные проекты. Кроме того, активизация в 2015 г. Индии и Японии в ЦАР и объявление американцами центральноазиатской инициативы во многом взаимосвязаны.



Западом, Россией и Китаем будет, возможно, проходить через Центральную Азию.¹⁹

Ожидается, что страны Центральной Азии будут внимательнее искать возможные ниши в международном разделении труда, которое будет определяться новой конфигурацией торгово-инвестиционных мегаблоков. Новые риски возникнут для проектов развития инфраструктурной взаимосвязанности Евразии.

С падением роли природных ресурсов, а также в случае формирования закрытых блоков (например, вокруг ТТП и ТТИП) привлекательность таких проектов окажется под вопросом. Государства, пока что остающиеся вне западнцентричных форматов, будут еще более заинтересованы как в развитии инфраструктуры для повышения связанности с Европой, так и в создании альтернативных форматов макрорегиональной кооперации, например, «Один пояс – один путь».²⁰

19 *Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 8, Том 60, Август. – С. 6.*

20 *Евразия на перепутье: будущее мегаконтинента в глобальном мире. – Астана: Astana club, 2016. – С. 51.*



II.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ФОРМИРУЮЩИЕ БУДУЩЕЕ

Данное сценарное исследование опирается на мнения и оценки представителей всех стран Центральной Азии, что делает региональные оценки более объективными и менее предвзятыми. В целом, приведенный ниже экспертный срез отражает некое усредненное коллективное видение возможных направлений развития нашего региона в ближайшее десятилетие.

Посредством коллективно разработанной стандартизированной анкеты авторам удалось получить богатый информационный материал с развернутыми оценками, на базе которых затем и были смоделированы вероятные сценарные варианты центральноазиатского будущего ⁽⁴⁷⁾.

1. СТРАНОВОЙ БЛОК

Экспертное интервьюирование было обусловлено необходимостью оценки восприятия экспертами всех пяти стран региона основополагающих тенденций и проблем регионального развития в Центральной Азии и анализе адекватности состояния межгосударственных отношений, а также в контексте таких явлений, как геополитическое соперничество за влияние в регионе, трансграничные вызовы и угрозы, а также угрозы региональной безопасности.

Необходимо отдавать ясный отчет и в том, какие проблемы в настоящее время стоят перед всеми центральноазиатскими государствами, какие



(47) Экспертная оценка текущей ситуации и перспектив развития региона Центральной Азии была проведена в два этапа. На первом этапе было проведено интервью с экспертами всех пяти центральноазиатских республик, перечисленными в заключительном разделе. На втором этапе результаты экспертного опроса были обсуждены, уточнены и дополнены в ходе личной переписки (Туркменистан), а также во время поездок в страны региона (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) и в гг. Астана и Алматы.



процессы будут способствовать геополитической стабильности, а какие – могут привести к обратному результату, каково место конкретного государства в общей схеме межрегионального взаимодействия?

Все это – непростые вопросы, и ответы на них предполагают учет не только сегодняшней реальности, но и анализа среднесрочных перспектив развития. Как показал общерегиональный экспертный опрос, в целом, у большей части экспертов (40%) преобладает оптимистичный настрой в отношении будущего своих стран в среднесрочной перспективе (10 лет) (диаграмма 1).

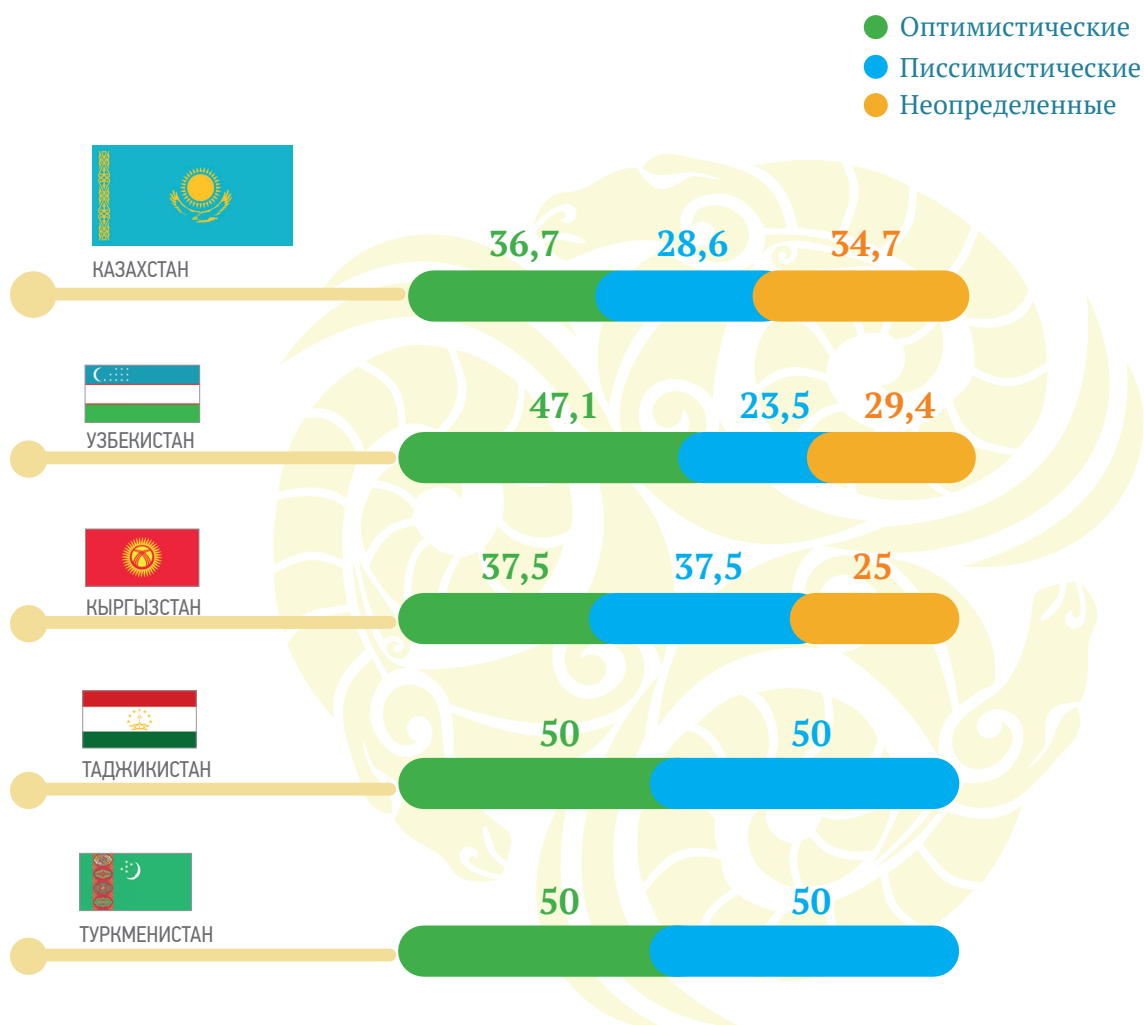
**ДИАГРАММА 1. КАКИЕ ОЖИДАНИЯ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ
ОТНОСИТЕЛЬНО БУДУЩЕГО ВАШЕЙ СТРАНЫ В ИНТЕРВАЛЕ 10 ЛЕТ?
(В %)**



Однако в страновом разрезе все не так однозначно. Оптимистичные ожидания преобладают над другими настроениями у экспертов Казахстана и Узбекистана, в то время как у экспертов остальных стран смешанные настроения. Однако в отношении Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана присутствует также фактор неопределенности (диаграмма 2).



ДИАГРАММА 2. КАКИЕ ОЖИДАНИЯ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ОТНОСИТЕЛЬНО БУДУЩЕГО ВАШЕЙ СТРАНЫ В ИНТЕРВАЛЕ 10 ЛЕТ? (ПО СТРАНАМ, В %)



При этом, ТОП-3 факторов, влияющих на оценку перспектив своей страны, относятся в первую очередь к факторам внутреннего порядка и касаются вопросов экономического развития, транзита власти и коррупции, причем последняя названа вместе с такими определениями, как тотальная, повальная, ужасная, неистребимая (таблица 1).



Таблица 1. Укажите, пожалуйста, три основных фактора, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему своей страны (в %)

1.	Ухудшение экономической ситуации / низкий уровень развития экономики / отсутствие структурных изменений в экономике / нестабильное экономическое положение в стране / дальнейшая стагнация экономики и падение уровня жизни населения / медленное экономическое развитие / провал экономической политики, сырьевая ориентированность национальной экономики	32,2
2.	Смена властных и управленческих элит / транзит власти	23,3
3.	Коррупция	15,6

1.1 Казахстан

Как было показано выше (см. диаграмму 2), 36,7% казахстанских экспертов испытывают оптимистические ожидания в отношении будущего своей страны в ближайшие 10 лет. Еще у 34,7% опрошенных неопределенные ожидания. И 28,6% экспертов испытывают пессимизм в отношении будущего Казахстана.

С чем связаны такие ожидания у экспертов? Самым главным фактором, который вносит неопределенность в будущее Казахстана, является вопрос транзита власти (таблица 2). Пессимизм в ожиданиях обусловлен, в первую очередь, ухудшением экономической ситуации в стране.

Примечательно, что геополитический фактор формирует позитивные ожидания у экспертов.

И коррупция, которая также влияет на пессимизм в отношении будущих ожиданий.

Таблица 2. Укажите, пожалуйста, основные факторы, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему своей страны (в %)

1.	Транзит власти	42,9
2.	Ухудшение экономической ситуации	36,7
3.	Геополитический фактор	20,4
4.	Коррупция	18,3



В целом, оптимистический настрой у казахстанских экспертов формируется посредством следующих причин (таблица 2.1).

Таблица 2.1 (в %)

Экономическое развитие / продолжение политики социально-экономического блока реформ / структурная трансформация, модернизация, диверсификация экономики	16,3
Модернизация административно-государственного блока / новая генерация управленцев / новое поколение государственных служащих	16,3
Политическая стабильность	14,2
Развитие социальной сферы, образования, науки, инноваций / инвестиции страны в человеческий капитал	12,2
Международный авторитет страны / сбалансированная внешняя политика	6,1
Ресурсный потенция	4,1
Молодежь как позитивный факто	4,1
Терпимость, толерантность общества	4,1
Рост национального самосознания населения	4,1
Рост гражданского самосознания населения	4,1
Изменение массового сознания: поворот к благотворительности, очищению окружающей среды и экологии, развитие духовности, презервация культурного наследия	2,0
Повышение политической культуры / рост политической активности общества	2,0
Четкое понимание складывающейся ситуации на уровне руководства страны / политическая воля для реализации сложных реформ	2,0
Благоприятная репутация в среде инвесторов	2,0



Следует отметить, что многие эксперты указали президентскую стипендию «Болашак» в перечислении факторов инвестиции в человеческий капитал, модернизация гос.аппарата, новое поколение государственных служащих, молодежь.

Также только казахстанскими экспертами были выделены такие факторы как терпимость, толерантность общества и изменение массового сознания людей.

Пессимистические ожидания казахстанских экспертов, помимо указанных в таблице 2, связаны со следующими причинами (таблица 2.2):

 Таблица 2.2 (в %)

Отсутствие структурных изменений в политическом управлении страной / отсутствие реальной системы сдержек и противовесов	14,3
Недостаток внимания и инвестиций в социальную сферу, образование и науку, здравоохранение	10,2
Отсутствует, либо низкая политическая и правовая культура / пассивность общества	4,1
Мировой экономический кризис	4,1
Высокая доля теневого сектора экономики, неэффективная система перераспределения доходов	2,0
Демографический факто	2,0
Рост социальной напряженности	2,0
Инертное общество	2,0
Экологические пробле	2,0
Утечка капиталов и интеллектуальных ресурсов за рубеж	2,0
Ухудшение ситуации с обеспечением правам человека	2,0
Неэффективный гос.сектор	2,0
Рост религиозных настроений	2,0



Помимо вопроса транзита власти, **неопределенность в будущие ожидания вносят такие факторы, как:**

- отсутствие понимания дальнейшего развития, особенно на фоне невыполнения стратегических программ, которые ежегодно приобретают новые ориентиры / отсутствие стратегии выхода из кризиса (4,1%);
- неопределенность внутриполитических процессов (2,0%);
- новые этапы в развитии интеграционных процессов (2,0%).

На взгляд экспертов, **в среднесрочной перспективе будут превалировать три основные тенденции в развитии Казахстана:**

- последовательная либерализация экономики и политической системы (24,5%);
- последовательная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы (24,5%);
- нарастание дестабилизирующих процессов в политической системе и национальной экономике (20,4%).

С учетом указанных тенденций, по мнению экспертов, **при оценке ситуации в Казахстане через десять лет будут звучать следующие характеристики:**


- минимальные демократизация политической системы и экономический рост;
- отсутствие каких-либо значимых изменений в политической системе и национальной экономике;
- минимальный экономический рост при сохранении текущего статус-кво политической системы;
- экономический спад при сохранении текущего статус-кво политической системы.

В целом, возможные векторы социально-политического и социально-экономического развития Казахстана оценивались экспертами в контексте приведенных в таблице 5 факторов (здесь и далее по другим странам: по каждому фактору были предложены противоположные векторы развития для оценки по 5-балльной системе от 1 до 5, где 1 - наименьший балл, 5 - наивысший балл).

В социально-политическом блоке эксперты видят положительное развитие таких факторов, как: политический строй, уровень политической стабильности, уровень развития гражданского общества, сферы межэтнических и межконфессиональных отношений.

В то же время, **отрицательные векторы развития у таких факторов, как:** межэлитные отношения, качество государственного управления, уровень коррупции в госаппарате, настроения среди населения и политическое участие населения.



 **Таблица 3.1.** Социально-политическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Политический строй	Демократия	3,7
2.	Уровень политической стабильности	Твердое обеспечение	3,3
3.	Межэлитные отношения	Конфронтация	3,4
4.	Качество государственного управления	Снижение	3,2
5.	Уровень коррупции в госаппарате	Рост	3,7
6.	Уровень развития гражданского общества	Равноправие с государством	4,1
7.	Настроения среди населения	Протестность	3,0
8.	Политическое участие населения	Пассивность	3,2
9.	Межэтнические отношения	Согласие	3,2
10.	Межконфессиональные отношения	Согласие	3,4

Ранее было показано, что пессимистические ожидания экспертов в отношении будущего развития Казахстана были связаны с ухудшением экономической ситуации в стране (см. таблицу 2).

Эти настроения также фиксируются и в оценках **векторов социально-экономического развития, которые демонстрируют спад по всем оцениваемым параметрам.**




 **Таблица 3.2.** Социально-экономическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Уровень ВВП	Спад	3,1
2.	Уклад экономики	Сырьевая	3,7
3.	Экономические отношения	Монополизм	3,8
4.	Приток иностранных инвестиций	Снижение	3,0
5.	Уровень жизни населения	Спад	3,3
6.	Социальное неравенство	Рост	3,3
7.	Занятость населения	Рост безработицы	2,8
8.	Уровень образования	Снижение	3,5
9.	Внутренняя миграция	Рост	3,0
10.	Эмиграция из страны	Рост	3,2

Вопрос транзита власти является достаточно актуальным для Казахстана и вносит неопределенность в отношении перспектив его развития (см. таблицу 2). В то же время, межэлитные отношения развиваются по вектору конфронтации в оценках экспертов (см. таблицу 3.1). Более того, **можно ожидать противоборства между представителями нынешнего и нового поколения элиты и нового пердела собственности** и других проявлений, к которым может привести через десять лет смена поколений внутри элиты (таблица 4).



 **Таблица 4.** К чему, на Ваш взгляд, приведет через 10 лет ожидаемая смена поколений внутри элиты Вашей страны? (в %)

Новый передел собственности	53,0
Противоборство между представителями нынешнего и нового поколения элиты	51,0
Изменение системы верховной государственной власти (формы правления)	24,4
Проведение либеральных политических и экономических преобразований	18,4
Определенная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы	18,4
Занятие представителями нового поколения нижестоящих позиций в системе власти и сфере бизнеса при главенстве действующих представителей элиты	16,3
Смена внешнеполитического курса страны с отдачей приоритета в отношении какого-либо одного внешнего партнера	12,2
Смена внешнеполитического курса страны в сторону максимальной открытости для сотрудничества с другими странами	8,2
Смена внешнеполитического курса страны в сторону равной удаленности от других стран	2,0
Не вижу позитивного прогноза	2,0
Изменение границ	2,0

Не исключаются также и варианты смены внешнеполитического курса страны. Для основной части экспертов **ключевым внешнеполитическим партнером для Казахстана через десять лет** может стать как **Россия** (46,9%), так и **Китай** (42,9%). 4% опрошенных экспертов считают, что сохранится многовекторность, либо будет несколько партнеров. И еще 2% считают, что это также могут быть и США.


Среди стран Центральной Азии, по мнению казахстанских экспертов, **тесные партнерские отношения через десять лет будут поддерживаться с Кыргызстаном** (59,1%) и **Узбекистаном** (34,7%).



1.2 Узбекистан

Как и казахстанские эксперты, **большинство экспертов Узбекистана (47,1%) испытывают оптимистические ожидания в отношении будущего своей страны в ближайшие 10 лет.** Еще у 29,4% опрошенных неопределенные ожидания. И 23,5% экспертов испытывают пессимизм в отношении будущего Узбекистана (см. диаграмму 2).

Здесь примечательно, что как оптимизм, так и пессимизм в ожиданиях экспертов связан с экономическими факторами (таблица 5). Неопределенность в ожиданиях, как и в случае с Казахстаном, связана с вопросом преемственности власти.

 **Таблица 5.** Укажите, пожалуйста, основные факторы, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему своей страны (в %)

1. Структурная трансформация, модернизация, диверсификация экономики	47,0
2. Нестабильное экономическое положение в стране / дальнейшая стагнация экономики и падение уровня жизни населения / медленное экономическое развитие	23,5
3. Персонификация власти / отсутствие альтернативы, механизмов преемственности власти	23,5

В целом, оптимистические ожидания экспертов в отношении будущего развития Узбекистана, помимо указанного выше фактора структурной трансформации, модернизации, диверсификации экономики, обусловлены следующими факторами (таблица 5.1):



 Таблица 5.1 (в %)

Экономическое развитие / рост экономики / повышение уровня жизни населения	17,6
Развитие социальной сферы	11,8
Демографический фактор	11,8
Ресурсный потенциал	11,8
Политическая стабильность	5,9
Молодежь	5,9
Информационные технологии	5,9
Увеличение специалистов с международным опытом	5,9
Предсказуемость политики правительства и относительная независимость от вызовов внешнего рынка, включая рынок рабочей силы (трудовых мигрантов)	5,9
Безопасность как основная доктрина развития	5,9
Ключевая роль в регионе	5,9
Реализация политики «рационального изоляционизма» и политики равноудаленности от мировых центров сил	5,9
Расширение международного сотрудничества	5,9

Если в Казахстане демографический фактор несет в себе отрицательное значение, то для Узбекистана, наоборот, он несет положительный заряд.

Как и в Казахстане, ресурсный потенциал и молодежь выступают факторами позитивного восприятия будущего развития Узбекистана, сюда также можно отнести и политическую стабильность.

В качестве позитивных моментов эксперты также отмечают политику «рационального изоляционизма» и равноудаленности от мировых центров сил, безопасность как основную доктрину развития Узбекистана и его ключевую роль в регионе.

Негативные факторы, влияющие на пессимистичные настроения экспертов, помимо указанного в таблице 5, приведены в таблице 5.2. После проблем экономического характера экспертов волнуют угрозы в сфере региональной безопасности. Фактор ухудшения обстановки в Афганистане приводится только в отношении Узбекистана. Здесь же усиление силовиков внутри страны, что так же отмечается только экспертами Узбекистана.



Таблица 5.2 (в %)

Угрозы в сфере региональной безопасности (в т.ч. угроза терроризма, религиозного экстремизма)	11,8
Фактор ухудшения обстановки в Афганистане	5,9
Коррупция	5,9
Плачевное состояние, деградация социальной сферы, образования и науки, здравоохранения	5,9
Политическая нестабильность	5,9
Низкая политическая и правовая культура	5,9
Усиление силовиков внутри страны	5,9
Социальная дифференциация между городскими и сельскими территориями	5,9
Регионализм	5,9
Отсутствие идентификационной связанности населения Узбекистана, его фрагментированность	5,9
Отсутствие у государства монополии на власть, отсутствие единства правового поля	5,9
Нелегитимность государства (режима) в глазах значительной части населения и групп влияния	5,9

Примечательно, что наряду с фактором политической стабильности (см. таблицу 5.1) указывается и фактор политической нестабильности, причем он обуславливает как пессимистические ожидания, так и неопределенные.

Кроме того, неопределенные перспективы будущего развития закладываются также неопределенностью в отношениях Узбекистана с соседними странами.

Эксперты считают, что **в среднесрочной перспективе в развитии Узбекистана будут просматриваться следующие основные тенденции:**

- последовательная либерализация экономики и политической системы;
- последовательная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы;
- максимальная консервация политической системы и национальной экономики;



- усиление авторитарных тенденций в политической системе и национальной экономике;
- нарастание дестабилизирующих процессов в политической системе и национальной экономике.

При этом не следует через десять лет ожидать каких-либо значимых изменений в политической системе и национальной экономике Узбекистана. Хотя не исключаются и такие варианты развития:

- максимальные демократизация политической системы и экономический рост;
- максимальный экономический рост при минимальной демократизации политической системы;
- минимальный экономический рост при усилении авторитарных тенденций в политической системе;
- умеренные темпы экономического роста при умеренных изменениях политической системы.

Возможные векторы социально-политического и социально-экономического развития Узбекистана оценивались экспертами в контексте приведенных в таблице 6 факторов.

В социально-политическом блоке эксперты видят положительное развитие таких факторов, как: уровень политической стабильности, межэлитные отношения, настроения среди населения, межэтнические и межконфессиональные отношения.


В то же время, отрицательные векторы развития у таких факторов, как: политический строй, качество государственного управления, уровень коррупции в госаппарате, уровень развития гражданского общества и политическое участие населения.

Таблица 6.1. Социально-политическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Политический строй	Авторитаризм	3,6
2.	Уровень политической стабильности	Твердое обеспечение	3,8
3.	Межэлитные отношения	Консенсус	3,4
4.	Качество государственного управления	Снижение	2,9
5.	Уровень коррупции в госаппарате	Рост	3,8
6.	Уровень развития гражданского общества	Подконтрольность государству	3,8
7.	Настроения среди населения	Лояльность	3,3
8.	Политическое участие населения	Пассивность	3,5
9.	Межэтнические отношения	Согласие	3,7
10.	Межконфессиональные отношения	Согласие	3,3




В **социально-экономическом блоке** только уровень ВВП имеет положительный вектор, все остальные параметры демонстрируют спад и другие отрицательные характеристики.

 **Таблица 6.2.** Социально-экономическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Уровень ВВП	Подъем	3,6
2.	Уклад экономики	Сырьевая	3,3
3.	Экономические отношения	Монополизм	4,0
4.	Приток иностранных инвестиций	Снижение	3,3
5.	Уровень жизни населения	Спад	2,9
6.	Социальное неравенство	Рост	3,8
7.	Занятость населения	Рост безработицы	2,8
8.	Уровень образования	Снижение	3,0
9.	Внутренняя миграция	Рост	3,5
10.	Эмиграция из страны	Рост	3,8

В целом, большинство опрошенных экспертов ожидали смену первого руководителя государства, надеясь при этом на определенную либерализацию экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы (таблица 7).



 **Таблица 7.** К чему, на Ваш взгляд, приведет через 10 лет ожидаемая смена поколений внутри элиты Вашей страны? (в %)

Смена первого руководителя государства	58,8
Определенная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы	41,1
Новый передел собственности	23,5
Смена внешнеполитического курса страны в сторону максимальной открытости для сотрудничества с другими странами	23,5
Проведение либеральных политических и экономических преобразований	23,5
Противоборство между представителями нынешнего и нового поколения элиты	17,6
Занятие представителями нового поколения нижестоящих позиций в системе власти и сфере бизнеса при главенстве действующих представителей элиты	17,6
Изменение системы верховной государственной власти (формы правления)	11,8
Смена внешнеполитического курса страны с отдачей приоритета в отношении какого-либо одного внешнего партнера	11,8
Смена внешнеполитического курса страны в сторону равной удаленности от других стран	11,8
Сохранение текущего статус-кво политической и экономической системы	5,9

При этом так же, как ранее казахстанские эксперты, основная часть экспертов Узбекистана **ключевым внешнеполитическим партнером для Узбекистана через десять лет** назвала как **Россию** (35,3%), так и **Китай** (29,4%). 11,8% опрошенных экспертов считают, что сохранится многовекторность, либо будет несколько партнеров. Еще 5,9% считают, что это может быть и Южная Корея.

Среди стран Центральной Азии, с которыми Узбекистан будет поддерживать тесные партнерские отношения через десять лет, превалирующее большинство экспертов назвали **Казахстан** (82,4%), а также Кыргызстан (5,9%) и Китай (5,9%).




1.3 Кыргызстан

В отличие от экспертов Казахстана и Узбекистана, эксперты Кыргызстана испытывают в равной степени, как оптимизм, так и пессимизм в отношении будущего своей страны в ближайшие 10 лет (по 37,5%). Еще у четверти опрошенных неопределенные ожидания (см. диаграмму 2).

Оптимизм в ожиданиях основан на многовекторной внешней политике, позволяющей адаптировать потребности страны к меняющимся внешним условиям и сохранять дружественные отношения со всеми странами, в первую очередь со странами Центральной Азии, а также на внутреннем векторе развития в сторону дальнейшей демократизации и либерализации (таблица 8).

В то же время, ухудшение экономической ситуации и низкий уровень развития экономики, влекущие за собой падение уровня жизни населения, формируют пессимистические ожидания будущего. Здесь же угрозы терроризма и религиозного экстремизма, вызывающие опасения четверти опрошенных экспертов.

Политическая нестабильность, противостояние между элитами внутри страны, отсутствие реальной системы сдержек и противовесов вносят неопределенность в отношении каких-либо прогнозов на будущее.

 **Таблица 8.** Укажите, пожалуйста, основные факторы, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему своей страны (в %)

1. Многовекторная внешняя политика, позволяющая адаптировать потребности страны к меняющимся внешним условиям / дружные отношения со всеми странами, в особенности странами Центральной Азии / страна признана мировым сообществом	31,3
2. Ухудшение экономической ситуации / низкий уровень развития экономики нестабильное экономическое положение в стране / дальнейшая стагнация экономики и падение уровня жизни населения	
3. Угрозы в сфере региональной безопасности (в т.ч. угроза терроризма, религиозного экстремизма)	25,0
4. Политическая нестабильность / противостояние между элитами внутри страны / отсутствие реальной системы сдержек и противовесов	
5. Демократизация / либерализация	



В целом, **оптимистические ожидания** экспертов в отношении будущего развития Кыргызстана, помимо указанных в таблице 8, обусловлены также следующими факторами:

- также как в Казахстане и Узбекистане, оптимизм в ожиданиях экспертов Кыргызстана базируется на политической стабильности, но, в отличие от первых двух стран, подчеркивается заинтересованность элиты в стабильности (12,5%);
- кроме того, только в Кыргызстане смена властных и управленческих элит (12,5%) рассматривается не как фактор неопределенности, а как фактор позитивных изменений;
- экономическое развитие (12,5%), плюс дополнительный позитивный фактор - китайская экономика как источник стимулирования деловой среды (6,3%);
- развитие социальной сферы, образования, науки (12,5%), приводящее к росту интеллектуального потенциала нации (6,3%);
- как и в Казахстане и Узбекистане, ресурсный потенциал Кыргызстана позволяет с оптимизмом смотреть в будущее;
- наконец, такой фактор, как ужесточение контроля, который, в конце концов, приведет к переменам (6,3%).

Пессимистические ожидания экспертов связаны со следующими факторами:

- коррупция (12,5%);
- плачевное состояние, деградация социальной сферы, образования и науки, недостаток внимания и инвестиций в образовательную систему (12,5%);
- высокая доля теневого сектора экономики, неэффективная система перераспределения доходов (6,3%);
- мировой экономический кризис (6,3%);
- рост наркоторговли и преступности (6,3%);
- ухудшение ситуации с обеспечением прав человека и пассивность общества в целом (по 6,3%).

Неопределенность в ожиданиях связана с большой зависимостью Кыргызстана от влияния внешних игроков, в первую очередь России (18,8%).

Так же, как и в своих ожиданиях, мнения экспертов разделились и в отношении **тенденций в развитии страны в среднесрочной перспективе**:

- последовательная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы и, наоборот, нарастание дестабилизирующих процессов в политической системе и национальной экономике;
- последовательная либерализация экономики и политической системы и, наоборот, усиление авторитарных тенденций в политической системе и национальной экономике;
- последовательная либерализация экономики при усилении авторитарных тенденций в политической системе;



- максимальная консервация политической системы и национальной экономики;
- при нынешних условиях каждый из перечисленных сценариев может иметь место в среднесрочной перспективе, все будет зависеть от степени желаяния или нежелаяния элит договариваться друг с другом.

Все это в итоге может привести к тому, что **через десять лет каких-либо значимых изменений в политической системе и национальной экономике Кыргызстана не будет**, либо произойдет экономический спад при сохранении текущего статус-кво политической системы. Правда, некоторые эксперты все же сохраняют надежды на экономический рост при сохранении текущего статус-кво политической системы, либо при определенной степени демократизации политической системы.

Возможные векторы социально-политического и социально-экономического развития Кыргызстана оценивались экспертами в контексте приведенных в таблице 9 факторов.

В социально-политическом блоке эксперты видят положительное развитие таких факторов, как: политический строй, уровень политической стабильности, межэлитные отношения, межконфессиональные отношения. В то же время, отрицательные векторы развития у таких факторов, как: качество государственного управления, уровень коррупции в госаппарате, уровень развития гражданского общества, настроения среди населения и политическое участие населения и межэтнические отношения.



Таблица 9.1. Социально-политическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Политический строй	Демократия	3,3
2.	Уровень политической стабильности	Твердое обеспечение	2,8
3.	Межэлитные отношения	Консенсус	3,0
4.	Качество государственного управления	Снижение	3,3
5.	Уровень коррупции в госаппарате	Рост	3,0
6.	Уровень развития гражданского общества	Подконтрольность государству	3,6
7.	Настроения среди населения	Протестность	3,6
8.	Политическое участие населения	Пассивность	3,6
9.	Межэтнические отношения	Напряженность	3,1
10.	Межконфессиональные отношения	Согласие	3,2



В **социально-экономическом блоке** только экономические отношения в стране, а также векторы миграции имеет положительное развитие, все остальные параметры демонстрируют спад/снижение и другие отрицательные характеристики.




Таблица 9.2. Социально-экономическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Уровень ВВП	Спад	3,0
2.	Уклад экономики	Сырьевая	3,0
3.	Экономические отношения	Конкуренция	3,8
4.	Приток иностранных инвестиций	Снижение	3,3
5.	Уровень жизни населения	Спад	3,3
6.	Социальное неравенство	Рост	3,1
7.	Занятость населения	Рост безработицы	3,0
8.	Уровень образования	Снижение	3,3
9.	Внутренняя миграция	Снижение	1,8
10.	Эмиграция из страны	Снижение	1,8

Как и в Узбекистане, большинство опрошенных экспертов Кыргызстана ожидают смену первого руководителя государства, однако, считая, что это приведет к противоборству между поколениями элиты, новому переделу собственности и даже смене внешнеполитического курса страны (таблица 10).



 **Таблица 10.** К чему, на Ваш взгляд, приведет через 10 лет ожидаемая смена поколений внутри элиты Вашей страны? (в %)

Смена первого руководителя государства	37.5
Противоборство между представителями нынешнего и нового поколения элиты	37.5
Новый передел собственности	31.3
Смена внешнеполитического курса страны с отдачей приоритета в отношении какого-либо одного внешнего партнера	31.3
Проведение либеральных политических и экономических преобразований	25
Определенная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы	25
Занятие представителями нового поколения нижестоящих позиций в системе власти и сфере бизнеса при главенстве действующих представителей элиты	18.8
Смена внешнеполитического курса страны в сторону максимальной открытости для сотрудничества с другими странами	12.5
Изменение системы верховной государственной власти (формы правления)	6.3
Изменение этнонациональной политики в сторону ограничения прав некоренных этносов страны	6.3
Сохранение текущего статус-кво политической и экономической системы	6.3

Ранее было показано, что китайская экономика, как источник стимулирования деловой среды, была названа экспертами в числе факторов позитивного развития. Не случайно, в первую очередь **Китай** был назван экспертами в качестве **ключевого внешнеполитического партнера для Кыргызстана через десять лет (50%)**. После Китая вторым партнером рассматривается **Россия (37,5%)**. Еще 6,3% экспертов считают, что это могут быть как США, так и Индия.

Среди стран Центральной Азии, с которыми Кыргызстан будет поддерживать тесные партнерские отношения через десять лет, в приоритете остается Казахстан (87,5%). Еще 6,25% экспертов считают, что это может быть Таджикистан.



1.4 Таджикистан

Как было показано на диаграмме 2, эксперты Таджикистана испытывают в равной степени оптимистичные и пессимистичные ожидания в отношении развития своей страны в следующие десять лет (по 50,0%).

Пессимизм экспертов связан в первую очередь с фактором власти: персонификация власти, отсутствие альтернативы, механизмов преемственности власти, укрепление авторитарного режима (50%), а также с факторами коррупции, делиберализации, нестабильного экономического положения в стране (по 16,7%).

Оптимизм в ожиданиях экспертов связан в первую очередь с наличием ресурсной базы (33,4%), а также такими факторами, как: политическая стабильность, запуск масштабных инфраструктурных проектов, рост политической активности общества и молодежь, также как позитивный фактора развития страны (по 16,7%).

При этом эксперты ожидают **развития следующих основных тенденций в Таджикистане в среднесрочной перспективе:**

- последовательная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы;
- последовательная либерализация экономики и политической системы;
- усиление авторитарных тенденций в политической системе и национальной экономике.

Следуя логике указанных тенденций, **через десять лет, по мнению экспертов, в Таджикистане можно ожидать:**

- максимальный экономический рост при сохранении текущего статус-кво политической системы;
- минимальный экономический рост при усилении авторитарных тенденций в политической системе;
- экономический спад при усилении авторитарных тенденций в политической системе.

Возможные **векторы социально-политического и социально-экономического развития** Таджикистана оценивались экспертами в контексте приведенных в таблице 11 факторов.

В **социально-политическом блоке** эксперты видят **положительное развитие таких факторов, как:** межэтнические и межконфессиональные отношения, уровень политической стабильности, межэлитные отношения, настроения среди населения. В то же время, **отрицательные векторы развития у таких факторов, как:** политический строй, качество государственного управления,



уровень коррупции в госаппарате, уровень развития гражданского общества и политическое участие населения.

 **Таблица 11.1.** Социально-политическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Политический строй	Авторитаризм	4,3
2.	Уровень политической стабильности	Твердое обеспечение	3,3
3.	Межэлитные отношения	Консенсус	3,5
4.	Качество государственного управления	Снижение	3,3
5.	Уровень коррупции в госаппарате	Рост	3,8
6.	Уровень развития гражданского общества	Подконтрольность государству	3,8
7.	Настроения среди населения	Лояльность	3,8
8.	Политическое участие населения	Пассивность	3,8
9.	Межэтнические отношения	Согласие	4,8
10.	Межконфессиональные отношения	Согласие	4,5

В **социально-экономическом блоке** уклад экономики, экономические отношения в стране, а также векторы миграции имеют отрицательно развитие, все остальные параметры демонстрируют рост/подъем и другие положительные характеристики.



Таблица 11.2. Социально-экономическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Уровень ВВП	Подъем	3,8
2.	Уклад экономики	Сырьевая	3,4
3.	Экономические отношения	Монополизм	3,3
4.	Приток иностранных инвестиций	Увеличение	3,0
5.	Уровень жизни населения	Подъем	3,4
6.	Социальное неравенство	Сокращение	3,4
7.	Занятость населения	Высокая занятость	2,8
8.	Уровень образования	Рост	3,2
9.	Внутренняя миграция	Рост	3,0
10.	Эмиграция из страны	Рост	2,5

Две трети опрошенных экспертов Таджикистана считают, что ожидаемая смена поколений внутри элиты приведет к определенной либерализации экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы (*таблица 11*). Другие варианты развития смена первого руководителя страны, противостояние между поколениями элиты и смена внешнеполитического курса.

Таблица 12. К чему, на Ваш взгляд, приведет через 10 лет ожидаемая смена поколений внутри элиты Вашей страны? (в %)

Определенная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы	66,7
Смена первого руководителя государства	33,3
Противоборство между представителями нынешнего и нового поколения элиты	33,3
Смена внешнеполитического курса страны в сторону максимальной открытости для сотрудничества с другими странами	33,3
Смена внешнеполитического курса страны с отдачей приоритета в отношении какого-либо одного внешнего партнера	16,7
Проведение либеральных политических и экономических преобразований	16,7
Изменение системы верховной государственной власти (формы правления)	16,7



В целом, **ключевым внешнеполитическим партнером для Таджикистана через десять лет назван Китай (83,3%)**. Другим вариантом может стать Иран (16,7%).

Среди стран Центральной Азии, с которыми Таджикистан будет поддерживать тесные партнерские отношения через десять лет, в равной степени отмечены **Казахстан и Кыргызстан (по 33,3%)**, а также Афганистан (16,7%).

1.5 Туркменистан

Как и эксперты Таджикистана, **эксперты Туркменистана испытывают в равной степени оптимистичные и пессимистичные ожидания в отношении развития своей страны в следующие десять лет (по 50,0%) (см. диаграмму 2)**.

При этом ожидания экспертов объясняются, по сути, одними и теми же факторами, только с разным значением: как улучшением ситуации с трудоустройством, так и ростом безработицы; как улучшением ситуации с бедностью, так и ухудшением экономической ситуации. Кроме того, пессимистические ожидания связаны с коррупцией, а также персонификацией власти, отсутствием механизмов преемственности власти, укреплением авторитарного режима.

При этом последний фактор влияет на **тенденции развития Туркменистана в среднесрочной перспективе**: максимальная консервация политической системы и национальной экономики и усиление авторитарных тенденций в политической системе и национальной экономике.

Тем не менее, эксперты надеются, что через десять лет ситуация в Туркменистане может характеризоваться не только экономическим спадом при усилении авторитарных тенденций в политической системе, но и максимальным экономическим ростом при сохранении текущего статус-кво политической системы.

Возможные **векторы социально-политического и социально-экономического развития** Туркменистана оценивались экспертами в контексте приведенных в таблице 13 факторов.

В **социально-политическом блоке эксперты видят положительное развитие таких факторов, как**: уровень политической стабильности, межэлитные отношения, качество государственного управления, настроения среди населения и межэтнические отношения. В то же время, **отрицательные векторы развития у таких факторов, как**: политический строй, уровень коррупции в госаппарате, уровень развития гражданского общества, политическое участие населения и межконфессиональные отношения.



Таблица 13.1. Социально-политическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Политический строй	Авторитаризм	4,5
2.	Уровень политической стабильности	Твердое обеспечение	4,0
3.	Межэлитные отношения	Консенсус	4,0
4.	Качество государственного управления	Рост	4,0
5.	Уровень коррупции в госаппарате	Рост	4,5
6.	Уровень развития гражданского общества	Подконтрольность государству	4,5
7.	Настроения среди населения	Лояльность	3,0
8.	Политическое участие населения	Пассивность	3,0
9.	Межэтнические отношения	Согласие	5,0
10.	Межконфессиональные отношения	Напряженность	1,5

В **социально-экономическом блоке** уклад экономики, экономические отношения в стране, а также векторы миграции имеют отрицательное развитие, все остальные параметры демонстрируют рост/подъем и другие положительные характеристики.



Таблица 13.2. Социально-экономическое развитие

№	Факторы	Векторы развития	Балл
1.	Уровень ВВП	Подъем	4,0
2.	Уклад экономики	Сырьевая	3,0
3.	Экономические отношения	Монополизм	4,0
4.	Приток иностранных инвестиций	Увеличение	5,0
5.	Уровень жизни населения	Подъем	4,0
6.	Социальное неравенство	Рост	3,3
7.	Занятость населения	Высокая занятость	4,0
8.	Уровень образования	Рост	4,0
9.	Внутренняя миграция	Рост	4,0
10.	Эмиграция из страны	Рост	3,0



По мнению экспертов, ожидаемая смена поколений внутри элиты может привести к изменению системы верховной государственной власти (*формы правления*), а также противоборству между представителями нынешнего и нового поколения элиты (*по 50%*), что, в свою очередь, повлечет за собой новый передел собственности, либо занятие представителями нового поколения нижестоящих позиций в системе власти и сфере бизнеса при главенстве действующих представителей элиты.

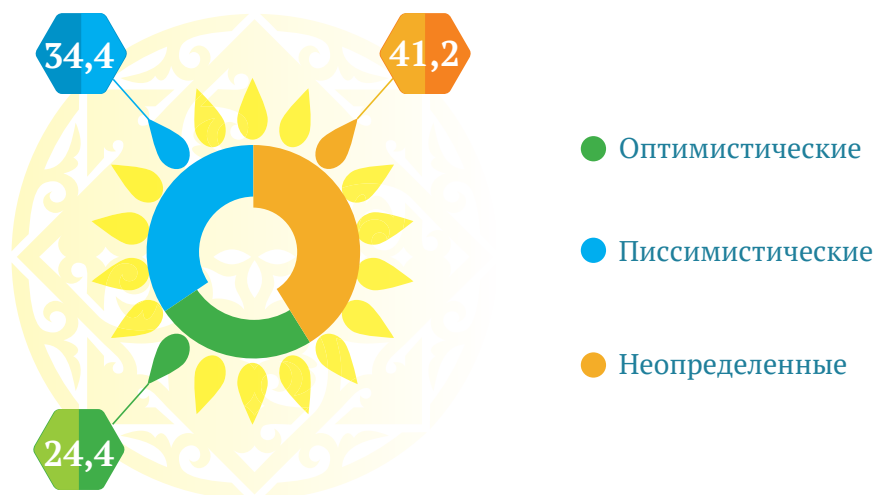
В целом, для Туркменистана ключевым внешнеполитическим партнером через десять лет может быть как Китай, так и Россия в равной степени (*по 50%*).

Среди стран Центральной Азии, с которыми Туркменистан будет поддерживать тесные партнерские отношения через десять лет - только Казахстан.

2. РЕГИОНАЛЬНЫЙ БЛОК

Если в отношении будущего своих стран у большей части экспертов превалировал оптимистичный настрой (*см. диаграмму 1*), то **в отношении будущего Центральной Азии в целом ожидания более пессимистические (34,4%) и неопределенные (41,2%)** (*диаграмма 3*).

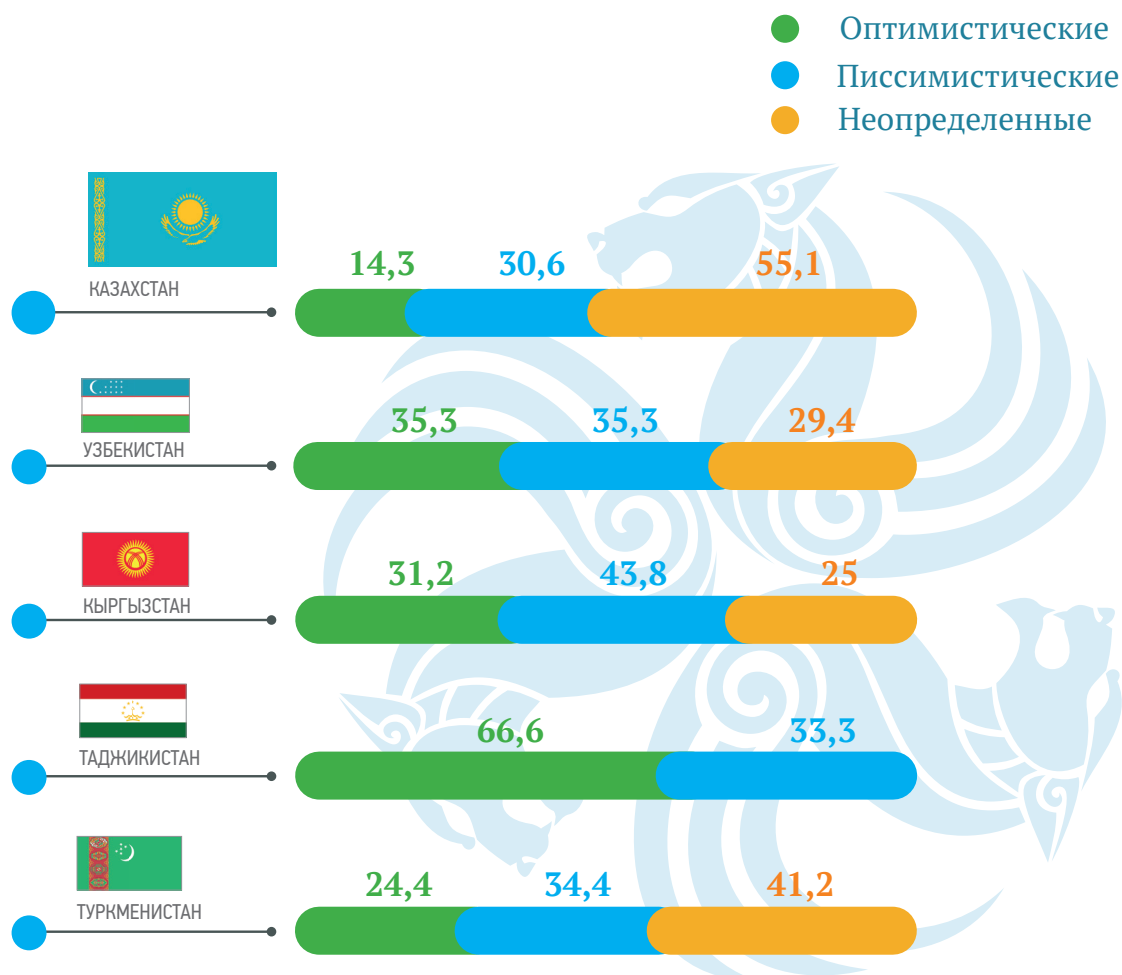
ДИАГРАММА 3. КАКИЕ ОЖИДАНИЯ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ОТНОСИТЕЛЬНО БУДУЩЕГО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИНТЕРВАЛЕ 10 ЛЕТ? (В %)



В страновом разрезе, как видим, наибольший оптимизм демонстрируют только эксперты Таджикистана (*диаграмма 4*).




**ДИАГРАММА 4. КАКИЕ ОЖИДАНИЯ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ
ОТНОСИТЕЛЬНО БУДУЩЕГО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИНТЕРВАЛЕ 10 ЛЕТ? (ПО СТРАНАМ, В%)**



Факторы, повлиявшие на ожидания экспертов, представлены в таблице 14. Как видим, пессимизм в отношении будущего региона связан в первую очередь с угрозами региональной безопасности, терроризма, религиозного экстремизма.

Здесь же экономические проблемы, а также проблемы низкого взаимодействия стран региона, связанные с отсутствием доверия, низкой степенью договороспособности и неготовностью к диалогу. При этом позитивные факторы не перекрывают негативные (таблица 14.1).




 **Таблица 14.1.** Укажите, пожалуйста, три основных фактора, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему региона (в %)

Факторы пессимистических ожиданий	%	Факторы оптимистических ожиданий	%
Рост угроз терроризма, религиозного экстремизма / угрозы региональной безопасности / фактор Афганистана	25,6	Рост интереса стран ЦА к совместной борьбе против трансграничных угроз / региональная безопасность	2,2
Ухудшение экономической ситуации / экономический кризис / низкий уровень развития экономик / снижение роста экономик / консервация непродуктивных экономических моделей / сырьевая экономика	21,1		
Эгоцентризм лидеров / сложные отношения между странами региона / отсутствие доверия / низкая степень взаимодействия между странами / отсутствие устойчивого партнерства / нежелание и неготовность к более тесному диалогу / низкая договороспособность управленческих элит / отсутствие скоординированной политики стран региона / разногласия	21,1	Улучшение межгосударственных отношений стран ЦА / партнерство по общим вопросам в рамках многосторонних организаций / необходимость следования потребности в партнёрстве между странами / соседство друг с другом (других соседей нет)	5,6
Водные ресурсы, нерешенность водно-энергетических проблем	17,8	Урегулирование водных споров	1,1
Нет экономических условий для интеграции / различные модели экономического развития / низкий уровень экономического и социального сотрудничества между государствами / страны региона слишком разошлись друг с другом в моделях экономических и политических реформ / нарастание диспропорций между странами региона / разные темпы и возможности социально-экономического развития стран Центральной Азии	11,1	Объективные исторические закономерности регионального развития / регионализация на фоне глобализации / интеграция стран ЦА / новые интеграционные проекты	7,8
Территориальные споры, приграничные проблемы	8,9	Решение территориальных споров, приграничных проблем	3,3
Авторитаризм	8,9	Либерализация политических режимов / демократизация	3,3
Падение уровня благосостояния населения / рост социального неравенства / социальная напряженность	6,7	Экономический рост	4,4
Политическая нестабильность / отсутствие воли к модернизации политической системы как «сверху», так и «снизу»	6,7	Политические перемены внутри каждой страны	1,1
Избыточный демографический рост / рост населения при падении качества жизни	5,6		
Коррупция	5,5		
Плачевное состояние, деградация сферы образования и науки	4,4		
Наркотрафик	2,2		
центробежные тенденции стран (-)	2,2	Переход от центробежных к центростремительным тенденциям	1,1
Низкий уровень взаимной торговли	1,1	Расширение торгово-экономических связей	4,4
Отсутствие развитой инфраструктуры	1,1	создание новых региональных транспортно-транзитных и логистических инфраструктур	2,2
Усиление культурных различий	1,1	Духовная близость народов ЦА / культурное и историческое наследие	3,3




Факторы неопределенности будущего Центральной Азии связаны в первую очередь с ее геополитическим расположением. Высокую степень неопределенности вносит также будущая смена элит в государствах региона (*таблица 14.2*).

 **Таблица 14.2.** Укажите, пожалуйста, три основных фактора, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему региона (в %)

Факторы неопределенности	%
Геополитические реалии / завершение геополитической трансформации / более активное (часто негативное) влияние внешних игроков на регион / борьба за влияние между основными акторами / регион по-прежнему остается объектом воздействия, а не самостоятельным субъектом	23,3
Смена элит / смена первых руководителей / смена глав государств, по крайней мере в двух странах, что приведет к чему-либо новому / придет новое поколение политиков	21,1
Приход к власти нового, националистически настроенного поколения / рост национализма на фоне ухудшающейся экономической ситуации в странах региона	7,8
Усиление уровня влияния исламского фактора, дальнейшая исламизация общества	3,3
У стран региона различные внешнеполитические ориентиры / предпочтение в сотрудничестве с внерегиональными игроками	2,2
Увеличение числа маргинальных граждан	2,2
Нелегитимность государства в глазах значительной части населения и групп влияния / Отсутствие у государства монополии на власть, отсутствие единства правового поля	2,2
Потому что нет такого региона / искусственность государственности	2,2
Межэтнические конфликты	2,2
Возможная война или вооруженный конфликт между странами региона	1,1
Миграция	1,1
Экология	1,1
Тяжело прогнозируемые изменения в политической и экономической сферах	1,1




Если ранее эксперты отмечали фактор низкого уровня взаимодействия между странами региона (см. таблицу 14.1), то, по мнению большинства, **текущий уровень отношений сохранится и через десять лет (28,9%) (таблица 15)**. Но есть ожидания, что страны будут сотрудничать для решения определенных вопросов общерегионального значения (17,8%). В то же время, не исключается возможность и обострения отношений между некоторыми странами (15,6%).

 **Таблица 15.** Насколько, на Ваш взгляд, изменится конфигурация отношений между странами Центральной Азии через 10 лет (в %)

Сохранение текущего статус-кво в отношениях стран региона	28.9
Кооперация центральноазиатских государств для совместного решения определенных вопросов общерегионального значения	17.8
Серьезное обострение отношений между одними странами при нейтральной позиции других	15.6
Улучшение характера и форм взаимодействия на многосторонней и двусторонней основе	10
Разделение стран региона по дистанцирующимся друг от друга группам (блокам) с участием третьих стран	10
Создание интеграционного объединения центральноазиатских государств	7.8
Разделение стран региона по дистанцирующимся друг от друга группам (блокам)	4.4
Попытки интеграции среди некоторых игроков при нейтралитете других	1.1
Изменение статуса региона и текущих границ	1.1
Всё будет зависеть от готовности управленческих элит стран ЦА идти на компромисс, когда понадобится поступаться личным во имя общих интересов	1.1

Как было показано в страновом блоке, пессимизм в отношении будущего своих стран эксперты испытывают в первую очередь в связи с социально-экономическими проблемами (см., например, таблицу 1 и др.). Аналогичные риски ожидают эксперты и в региональном масштабе – повсеместные проявления социальной напряженности (37,8%), экономический упадок вследствие неблагоприятной ситуации в мировой экономике (36,7%) (таблица 16).




 **Таблица 16.** С какими, на Ваш взгляд, вероятными рисками может столкнуться Центральная Азия через 10 лет (в %)

Повсеместные проявления социальной напряженности	37.8
Экономический упадок вследствие неблагоприятной (кризисной) ситуации в мировой экономике	36.7
Вооруженные пограничные конфликты между отдельными странами региона	32.2
Экспорт терроризма и экстремизма в Центральную Азию из «горячих точек» Ближнего Востока	30,0
Масштабные проявления терроризма и экстремизма	26.7
Неконтролируемая внешняя миграция	21.1
Рост трансграничной преступности	15.6
Экспансионистские действия со стороны каких-либо других стран	15.6
Проявление сепаратизма в отдельных странах региона	12.2
Повсеместные проявления межэтнической напряженности	12.2
Распространение вооруженного конфликта в Афганистане на территорию стран Центральной Азии	10,0
Вовлечение центральноазиатских республик в конфликты между другими странами	4.4
Риски в основном имеют внутрирегиональное происхождение, но не в острой форме	1.1
Риски дестабилизации политической и экономической систем при «естественной» смене правящих элит	1.1

В число других наиболее вероятных рисков входят вооруженные пограничные конфликты между отдельными странами региона (32,2%), экспорт терроризма и экстремизма в Центральную Азию из «горячих точек» Ближнего Востока (30,0%) и масштабные проявления терроризма и экстремизма (30,0%) и др.

Несмотря на скептицизм 10% опрошенных, в ближайшие десять лет эксперты ожидают **развития транзитного потенциала региона** (в том числе в рамках ЭПШП, ЕАЭС), а также региональной интеграции и кооперации (таблица 17).




 **Таблица 17.** Какие, на Ваш взгляд, возможности для развития Центральной Азии откроются в ближайшие 10 лет? (в %)

Развитие транзитного потенциала региона, транспортно-логистических возможностей, формирование транзитно-транспортных коридоров (в т.ч. в рамках ЭПШП, ЕАЭС)	28,9
Региональная интеграция, взаимодополняющая региональная кооперация / необходимость создания общего рынка для продукции / развитие системы кооперационных связей / улучшение форм взаимодействия	13,3
Расширение присутствия Китая, России, Ирана в Центральной Азии	10,0
Никаких возможностей не предвидится / страны не умеют пользоваться возможностями	10,0
Сотрудничество в рамках ЕАЭС	7,7
Самые главные изменения будут в смене элит / открывается возможность модернизации экономической, внутри- и внешнеполитической систем, и соответственно, открытие новых возможностей для дальнейшего развития / смена элит представляет потрясающую возможность для изменения ситуации в регионе, но, скорее всего, подобный шанс будет упущен	6,7
Рост зарубежных инвестиций	5,6
Экономический рост / экономическое развитие / модернизация экономики, рост уровня формальной занятости и доходов / рост производительности труда / повышение благосостояния в странах ЦА	5,6
Развитие новых технологий	3,3
Экологическое сельское хозяйство, массовое освоение степных и пустынных территорий	3,3
Развитие энергетических проектов, альтернативных источников энергии	2,2
Новые возможности / перспективы сотрудничества со странами Азии	2,2
Сотрудничество с ЕС	2,2
Сотрудничество в рамках ШОС и ОДКБ	1,1

Кроме того, эксперты ожидают расширения экономического присутствия Китая, России и Ирана в регионе. И, конечно, главные изменения ожидаются в связи со сменой элит.


Далее экспертов попросили оценить по 5-балльной системе (от 1 до 5, где 1 - наименьший балл, 5 - наивысший балл) уровень влияния в регионе перечисленных в таблице 18 стран. И если в страновом блоке предпочтения были отданы России и Китаю, то **по уровню влияния в Центральной Азии в среднесрочной перспективе также остаются Россия и Китай.** Наименьшая степень влияния – у Пакистана и ОАЭ.



 **Таблица 18.** Оцените, пожалуйста, уровень влияния в Центральной Азии ниже перечисленных стран в среднесрочной перспективе (в %)

Россия	4.4
Китай	4.3
США	2.9
Европейский Союз	2.5
Турция	2.4
Иран	2.1
Саудовская Аравия	1.6
Индия	1.5
Пакистан	1.4
Объединенные Арабские Эмираты	1.4

Аналогично по 5-балльной системе (от 1 до 5, где 1 - наименьший балл, 5 - наивысший балл) был оценен уровень влияния в регионе перечисленных в таблице 19 международных структур. Опять-таки, **по уровню влияния выше среднего оценены те структуры, в которых участвуют Китай и Россия – ШОС, ОДКБ, ЕАЭС (таблица 19).** Наименьшая степень влияния – у Организации Исламского сотрудничества и Совета сотрудничества тюркоязычных государств.


 **Таблица 19.** Оцените, пожалуйста, уровень влияния в Центральной Азии ниже перечисленных международных структур в среднесрочной перспективе (в %)

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	3.4
Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)	3.0
Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	3.3
Организация Объединенных Наций (ООН)	2.6
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	2.1
Содружество Независимых Государств (СНГ)	2.0
Организация Североатлантического договора (НАТО)	1.8
Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)	1.7
Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ)	1.6
Организация Исламского сотрудничества (ОИС)	1.6



Как ранее было показано, региональная интеграция и кооперация входит в число ожидаемых экспертами возможностей в ближайшие десять лет (см. таблицу 17).

Чтобы эта возможность реализовалась, странам Центральной Азии необходимо в первую очередь **создать благоприятный режим для торгового и инвестиционного сотрудничества друг с другом (58,9%), завершить процессы делимитации и демаркации границ** между странами региона с решением всех спорных вопросов (47,8%), создать водно-энергетический консорциум (45,6%). Эти и другие рекомендации экспертов представлены в таблице 20.

 **Таблица 20.** Что, на Ваш взгляд, следует предпринять странам Центральной Азии в среднесрочной перспективе в интересах региональной кооперации? (в %)

Создать благоприятный режим для торгового и инвестиционного сотрудничества друг с другом	58,9
Завершить процессы делимитации и демаркации границ между странами региона с решением всех спорных вопросов	47,8
Создать водно-энергетический консорциум	45,6
Выработать механизмы межгосударственного взаимодействия по вопросам обеспечения региональной безопасности	35,6
Провести серию переговоров в двустороннем и многостороннем формате с целью выявления основных предметов противоречий и возможных путей их разрешения	34,4
Создать межгосударственное интеграционное объединение по типу бывшей Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС)	17,8
Обеспечить координацию действий в рамках совместного участия в деятельности различных международных структур	10,0
Активизировать работу Международного фонда спасения Арала	3,3
Предпринять ничего невозможно, все бесполезно	3,2



Кроме того, прозвучали также следующие предложения:

- необходимо начинать с аналитического обеспечения процесса сближения;
- постоянно действующий совет глав Центральной Азии со встречами несколько раз в год;
- перестать заниматься имитацией политики и разрушать свои системы образования, здравоохранения и науки;
- научиться понимать друг друга и работать в общих интересах.

Таким образом, экспертный опрос показал, что текущая ситуация в Центральной Азии и ее развитие в среднесрочной перспективе зависит от ряда факторов, которые условно можно подразделить на три большие группы.

Первая группа – внешние факторы, среди которых наиболее значимыми являются:

- угрозы региональной безопасности, в т.ч. связанные с ростом терроризма и религиозного экстремизма;
- геополитический фактор – борьба внешних акторов за влияние в регионе (по уровню влияния в основную тройку входят Россия, Китай и США).

При этом сохраняется ключевая роль региональных организаций (ШОС и ОДКБ) и Евразийского экономического союза в регионе Центральной Азии на данном этапе в ближайшее десятилетие. А также выделяется место Казахстана в регионе, как единственной страны, с которой будут поддерживать партнерские отношения все центральноазиатские республики.

Вторая группа – внутренние факторы, которые в свою очередь подразделяются на внутрирегиональные и внутристрановые.

Внутрирегиональные факторы представлены, как показало исследование, в первую очередь водноэнергетическими и приграничными проблемами, а также уровнем и характером взаимоотношений между государствами региона, вплоть до риска возникновения межгосударственных конфликтов.

Третья группа – внутристрановые факторы порождены неопределенностью в связи с возможной сменой правящих элит и вопросом транзита власти, высоким уровнем коррупции, развития экономики и проблемами и социально-экономического характера, ведущими к росту социальной напряженности.



III.

ВЕРОЯТНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Авторы отдают себе отчет, что варианты условного будущего являются лишь первоначальной базой для последующей детализированной прогнозно-аналитической работы и выявления вероятных возможностей и рисков будущего развития Центральной Азии. Дальнейшее осмысление – это дело специализированных государственных структур, в задачи которых входят вопросы национальной стратегии.

Будущее непредсказуемо. Но отдельные крупные, долгосрочные тенденции и векторы развития, в принципе, различимы уже сейчас и позволяют подготовиться к грядущим изменениям (в этом случае помогает известный в профессиональной среде метод – «перенести будущее в настоящее»). Наша исследовательская задача – лишь на очевидных нарождающихся изменениях продемонстрировать различные модели развития с разными возможностями и рисками.

С учетом обозначенной в вводной части доклада дилеммы будущего развития в Центральной Азии ⁽⁴⁸⁾ в данном исследовании сценарного



⁽⁴⁸⁾ Большую дилемму для будущего развития региона представляют собой два вопроса: как отразится смена поколений (в том числе в политическом «истеблишменте») на политической жизни стран Центральной Азии, а также будут ли наблюдаемые сегодня процессы внутри и вокруг региона способствовать экономическому росту центральноазиатских стран?



моделирования применен метод «двух осей»⁽⁴⁹⁾. В качестве основных параметров оси оценки выбраны **экономический рост и вектор общественно-политической жизни**. Как показали итоги экспертных интервью (результаты которого представлены в предыдущем разделе), эти параметры будут во многом формировать атмосферу будущего Центральной Азии и определять возможности и риски развитию региона.

Тем самым, на основе экспертных оценок и полученных в ходе интервью данных в качестве определяющих параметров для сценарного моделирования использованы два ключевых фактора, с которыми связываются главные ожидания, – **политическая либерализация**⁽⁵⁰⁾ и **экономический рост**.

Указанные параметры использованы для построения **оси моделирования**, разные полюсы и комбинации которой определяют вероятные сценарии условного будущего. На эту основу проецируются экспертные оценки и ожидания, а также выводы

из анализа большого пласта исследовательских материалов по тематике Центральной Азии, и формируется взаимосвязанный нарратив для последующего анализа.

Авторы выделяют три базовых сценария:

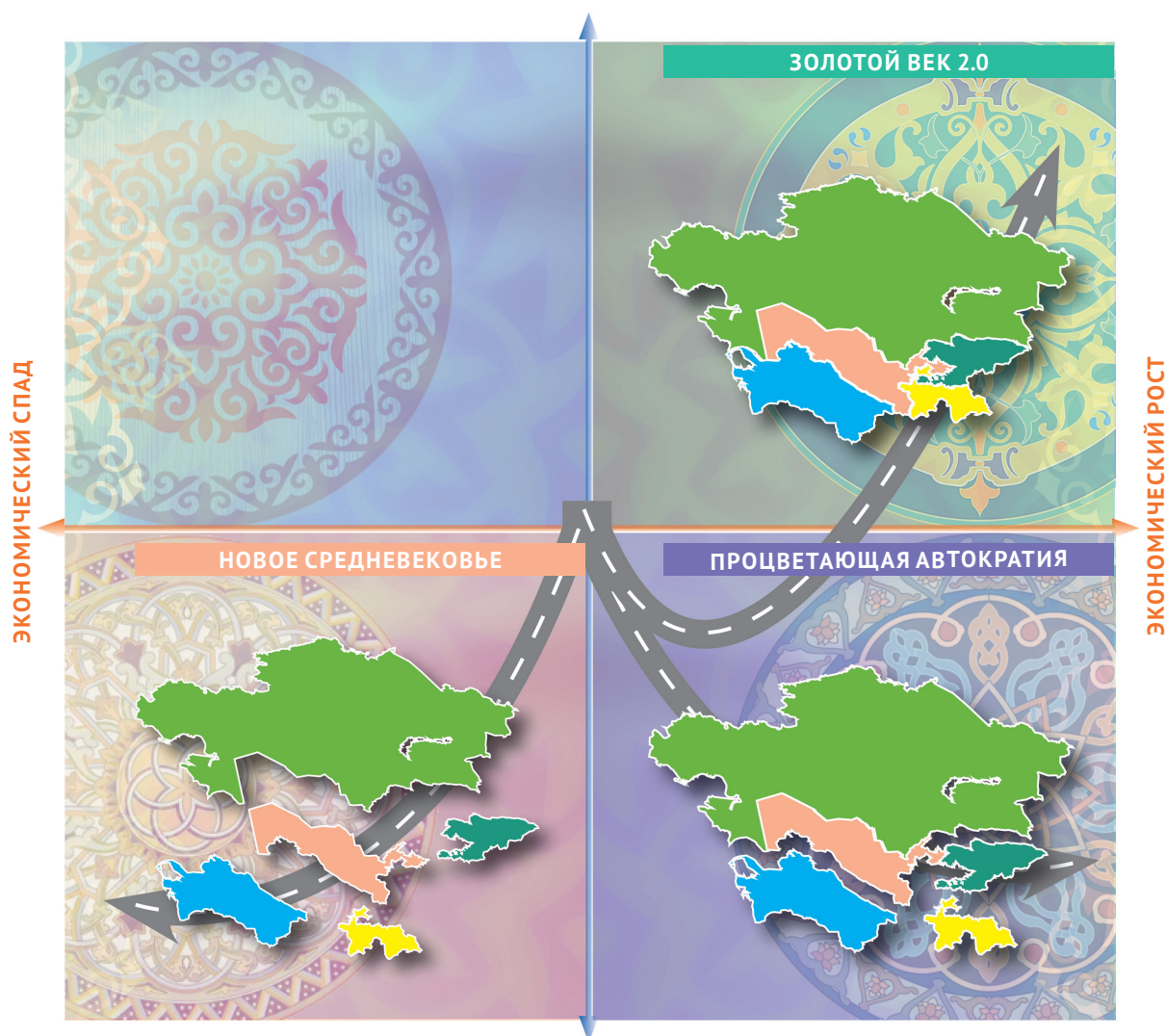
⁽⁴⁹⁾ Указанная методика является, скорее, иллюстративной, чем прогностической, но, как правило, демонстрирует высокие результаты. Ее лучше применять для тестирования стратегического управления в среднесрочной и долгосрочной перспективе, чтобы убедиться, насколько оно устойчиво в различных средах. Сценарии, разработанные с использованием этого метода, как правило, охватывают перспективу в 10-20 лет. Метод «двух осей» генерирует четыре контрастных сценария применительно к конкретной области интересов, поместив важный фактор, влияющий на будущее изучаемого вопроса, на каждую из двух осей, которые пересекаются в форме четырех квадрантов. Факторы, выбранные для осей должны быть «высокого воздействия и, в то же время, высокой неопределенности», чтобы гарантировать, что все четыре поля, определяемые их пересечением, четко дифференцированы. Эти поля затем перерастают в описательные части сценария, отражая влияние других событий и тенденций в дополнение к тем, которые представлены на двух осях.

⁽⁵⁰⁾ В этом случае рассматриваются развитие политической системы сдержек и противовесов, децентрализация власти, меритократия и эффективный государственный аппарат, активизация гражданского общества, усиление роли закона, повышение свободы слова и др.



ОСЬ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЦЕНАРИЕВ
– РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ



КОНСЕРВАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Сценарий один: Золотой век 2.0 – возможен при комбинации положительных изменений в политической жизни стран региона и экономическом росте.

Сценарий два: Процветающая автократия – возможен при комбинации экономического роста (за счет нахождения новых источников развития и дохода) при консервации политической модернизации стран Центральной Азии.



Сценарий три: Новое средневековье? – возможен при комбинации продолжающегося экономического спада (новые источники дохода будут найдены не всеми республиками) и кризиса в развитии при консервации политической жизни в странах региона.

Сценарная комбинация политической либерализации с экономическим спадом делает государства нестабильными и фактически нежизнеспособными.

* * *

Идущие сегодня трансформации демонстрируют, что мир будущего будет кардинально другим. И если первую четверть века суверенной истории Центральная Азия развивалась в фарватере постсоветской инерции (экономические модели, элиты и их видение мира, образование, социальный уклад и др.), то, по всей вероятности, нарождающиеся в настоящее время глобальные мегатренды и новое, последовательно набирающее силу поколение (со своими взглядами, ценностями, устремлениями и др.) обусловят для нашего региона начало совершенно нового исторического этапа.

Центральная Азия все более открывается миру, становится частью активных глобальных процессов. И внутренний потенциал и возможности стран региона, как и степень их кооперации между собой, определяют их место в мировой экономике и международных делах.



⁽⁵¹⁾ Завершение суперцикла остается главным процессом, идущим сейчас на сырьевых рынках. Стремительный рост спроса на природные ресурсы в Китае в начале 2000-х гг. положил ему начало и обусловил необычайный взлет цен на сырьевые товары более чем на десятилетие вперед. Ненасытность Китая надолго исказила баланс спроса и предложения. Нынешний сырьевой суперцикл подошел к своей конечной фазе, которая характеризуется резким спадом инвестиций, сокращением производства и замедлением темпов роста предложения. Источник: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2016/01/14/624033-sirevomu-rinku-supertsikla-normalnoe>

В будущем Центральную Азию будут ожидать более сложные проверки на прочность в стремительно меняющемся мире: кардинально меняется обстановка вокруг региона и в ближайшие годы шансы роста и вызовы региону также изменятся.

Уже сегодня очевидно, что сырьевой суперцикл завершился и структура мирового экономического роста переживает фундаментальные изменения ⁽⁵¹⁾. 20-30 лет назад главным риском была возможная нехватка природных ресурсов, но с помощью технологий цивилизация может гораздо эффективнее находить и добывать их. В ближайшие десять лет страны региона столкнутся с острой необходи-



мостью отхода от сырьевых моделей экономики и поиска новых источников роста.

В ближайшие десять лет китайский фактор продолжит влиять на центральноазиатские экономики. Так, по прогнозам, к 2030 году Китай, который уже сегодня оказывает значительное влияние на экономики стран Центральной Азии, может возглавить глобальное экономическое развитие⁽⁵²⁾. Это может существенно изменить парадигму развития Центральноазиатского региона.

Китай в новом статусе глобального игрока с крупнейшей экономикой мира – крупный стратегический вызов и, одновременно, большая возможность для Центральной Азии. Многие в этом случае будут определять понимание новой ситуации, политика и устремления самих стран региона.

По прогнозам, в ближайшие десять лет Азия может превзойти Европу и Северную Америку по целому ряду показателей мировой силы – численности населения, ВВП, инвестициям в технологии и военным расходам. Энергичный подъем азиатских государств, как ожидается, восстановит силу большой Азии и снизит западное доминирование.²¹

Это может означать новый шанс и для Центральной Азии, которая также подвергнется влиянию новой глобальной «воронки» экономического роста. При этом наш регион имеет уникальное расположение – между мощными нынешними и завтрашними центрами роста. Уже начавшийся переток экономической активности с Запада на Восток, если правильно встроиться в этот процесс, создаст для Центральной Азии новые колоссальные возможности для роста.

Вопрос – в способности самих стран региона использовать новый исторический шанс для своих экономик.

Прогнозы американских специалистов говорят о том, что нынешний мир формата Pax Americana окончательно придет к закату уже к середине 2020-х годов. Эксперты полагают, что свою национальную мощь Соединенные



(52) По прогнозам, в ближайшие десять лет Китай столкнется с серьезной проблемой: экономический рост КНР в географическом плане распределяется неравномерно. Прибрежные города процветают, но города в середине Китая имеют меньший доступ к международным рынкам и, соответственно, сравнительно беднее. Эта проблема будет только обостряться – параллельно с тем, как Китай будет продолжать урбанизоваться. В этой связи для Китая будет расти значение континентального моста на евразийские рынки через Центральную Азию. Источник: STRATFOR: Decade Forecast: 2015-2025. / www.worldview.stratfor.com/forecast/decade-forecast-2015-2025

²¹ По материалам Берроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 352 с.



Штаты вряд ли полностью потеряют, но она будет хорошо сбалансирована растущими возможностями новых государств-лидеров⁽⁵³⁾.


Эта новая международная конъюнктура прямо отразится и на ситуации в Центральной Азии, где с самого начала суверенного развития с 1990-х годов США играли определенную роль в развитии стран региона, реализации различных общерегиональных проектов (Большая Центральная Азия, Новый Шелковый путь, Северная распределительная сеть) и формировании диалоговых механизмов (например, C5+1).

Понятно, что не все обозначенные инициативы были успешными, или достигли своей задачи. Важно другое – страны региона получали возможность выстраивать внутрорегиональную кооперацию. Это также был определенный опыт для развития региональной идентичности и диалога. Как бы там ни было, но и сами американские эксперты признают, что роль США в Центральной Азии изменится, и пока нет аргументов, что Вашингтон будет стремиться сохранить прежние позиции в регионе (те же эксперты признают и то, что Центральная Азия в принципе не имеет критического значения для Соединенных Штатов).

По имеющимся оценкам, сегодня Центральная Азия движется в новом направлении. Можно согласиться с выводом о том, что в регионе происходит крупный геополитический сдвиг, результатом которого станет изменение связей с евроатлантическим сообществом и усиление влияния и значения Китая. КНР

становится самым значительным геополитическим и экономическим действующим актором в регионе. Экономическое присутствие этой страны в Центральной Азии резко увеличилось, а масштабные планы Китая по дальнейшему расширению влияния в Евразии будут иметь важные последствия – как в экономическом, так и в политическом плане.

Вполне объективны и прогнозы о том, что КНР «будет пристально следить за внутривнутриполитическими событиями в регионе и сменой политических элит в республиках Центральной Азии, чтобы убедиться в том, что они гарантируют защиту китайских интересов». В условиях специфической политики


⁽⁵³⁾ *Какую роль будут играть Соединенные Штаты Америки на международной арене в течение следующих 10-15 лет, неизвестно. А вот будут ли США способны работать с новыми партнерами в перестройке международной системы – один из наиболее важных вопросов. Хотя уровень международного сотрудничества Соединенных Штатов относительно понизится, но вес США, скорей всего, будет возрастать. Их будущую роль в архитектуре международной системы трудно прогнозировать, а доминирование США можно варьировать в широких пределах. Источник: Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council, 2012. // www.dni.gov*



руководства республик Центральной Азии, «сложно говорить о том, какое влияние на самом деле оказывают на регион внешние силы», но Китай среди них, безусловно, играет важнейшую роль». ²²

Эти прогнозы хорошо отражают меняющуюся в регионе ситуацию – роль России, безусловно, в силу целого ряда факторов останется важной и высокой (это отмечало и большинство центральноазиатских экспертов, принявших участие в интервью к данному исследованию), но она неминуемо изменится. Какими будут изменения в участии России в жизни Центральной Азии, – во многом зависит от уровня экономического роста, политики и приоритетов самой РФ (где в течение десяти лет также произойдет обновление элиты, что может сильно отразиться на ее развитии).

Очень емко будущие изменения отражает и такой тезис: «чтобы консолидировать и сохранить власть», новым элитам в государствах Центральной Азии будет важно получить поддержку Пекина. Если в прошлом Россия была единственной державой, «определявшей политические судьбы региона», то в перспективе эта монополия будет все более разбавлена китайской составляющей. Россия не снижает своего присутствия в Центральной Азии (и вряд ли его снизит в следующие десять лет), а Китай «пока не занял ее место, но уже стал для стран региона незаменимым партнером». ²³

В этой связи на атмосферу в Центральной Азии будет очень сильно влиять конфигурация отношений России и Китая (в том числе и их консенсус относительно совместной или одновременной политики в регионе), которая сложится в следующие десять лет. Вопрос и в том, насколько завтра будет актуальным нынешнее негласное консенсусное разделение ответственности, где Россия отвечает за безопасность, а Китай действует только в экономической сфере?

Кроме того, в следующем десятилетии региональная динамика получит возможность влиять на ситуацию за пределами регионов и стать угрозой глобальной безопасности. По прогнозам, Ближний Восток и Южная Азия – те регионы, где наиболее возможен рост нестабильности. По всей вероятности, в следующие

²² Румер Ю., Сокольски Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии 3.0. / <http://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019>

²³ Румер Ю., Сокольски Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии 3.0. / <http://carnegie.ru/2016/03/18/ru-pub-63019>



10-15 лет Южная Азия будет сталкиваться с серией внутренних и внешних потрясений. Медленный рост экономики, сложная социальная динамика, дефицит энергоресурсов сформируют вызовы для Пакистана и Афганистана.²⁴ Эта зона будет постоянным раздражителем и для нашего региона.

Центральной Азии предстоит соседствовать с новыми азиатскими гигантами и сотрудничать с теряющими власть державами, которые в ближайшие десятилетия вполне могут начать выяснять отношения по принципу «кто в доме хозяин» с применением всех доступных средств. Продолжающееся увеличение азиатского населения (к 2030 году в Азии будет проживать более 4,94 млрд человек или 57,9% от всего населения планеты)²⁵ также грозит для крупных по территории, но сравнительно малочисленных центральноазиатских стран явными миграционными неудобствами и демографическими вызовами.



⁽⁵⁴⁾ «Золотым веком» Центральной Азии называется период с 800 по 1200 годы, когда регион опережал мир в торговом и экономическом развитии, размерами и развитостью своих городов, утонченностью искусства и, особенно, знаниями во многих областях. В тот период Центральная Азия добилась блестящих успехов в астрономии, математике, геологии, медицине, химии, музыке, социальных науках, философии и теологии. Ученые из региона дали название алгебре, рассчитали диаметр земли с небывалой точностью, написали книги, которые позже определили вектор развития европейской медицины, создали величайшие поэтические произведения мира. Нечасто в истории была более внушительная группа эрудитов, появившихся в одном месте и времени. Неудивительно, что их труды повлияли на европейскую культуру со времен св. Фомы Аквинского вплоть до научной революции и оказали такое же глубокое влияние на Индию и большую часть Азии. (Starr S. Frederick. *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. Princeton University Press, 2015. – 680 p.).

Так, на Центральную Азию, с большой вероятностью, усилится миграционное давление с Юга, что вместе с мощными геополитическими водоворотами в Азии будет определять неоднозначный культурно-религиозный и военный фон вокруг страны. В новых стратегических условиях нашему региону, возможно, придется лавировать между имеющимися способностью резко усилиться геополитическими центрами влияния – Китаем, Индией, Индонезией, Турцией и др. И сделать это будет непросто.

Таков в общих чертах широкий контекст перспективного развития Центральной Азии, ниже представлены четыре разных сценария, построенных на базе указанной методологии.

Сценарий один:
Золотой век 2.0 ⁽⁵⁴⁾.

²⁴ Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council. – 2012 // www.dni.gov

²⁵ Демоскоп: 60% населения мира проживает в Азии // www.demoscope.ru/weekly/2017/0735/barom02.php



В ближайшие десять лет все страны Центральной Азии переживают смену политических элит. В республиках региона к власти постепенно приходят хорошо образованные прогрессивные реформаторы и технократы с государственным мышлением, заинтересованные в развитии своих стран.

Новые центральноазиатские лидеры понимают безальтернативность внутрирегиональной кооперации и видят прямую взаимосвязь между социально-экономическим развитием и сотрудничеством с соседями. Речь идет не об интеграции, а, скорее, о более тесной кооперации, основанной на балансе региональных и национальных интересов. В результате страны региона стремятся пересмотреть и усилить общие скрепы региональной идентичности, политического диалога и коллективного развития.

Новые политические, деловые и интеллектуальные элиты работают, сообщая, в целях диверсификации экономики – в общерегиональном масштабе. Через прагматичное разделение труда и использование потенциала каждого государства, Центральная Азия отходит от сырьевой модели экономического развития ⁽⁵⁵⁾.

Успешность экономики и стабильность общества будет зависеть от способности новой элиты трудоустроить растущее население и сохранить человеческий потенциал внутри региона (*а не экспортировать его, как сегодня, на чужие рынки труда*).

Одной из перспективных отраслей может стать транспортно-логистическая инфраструктура. Ее развитие потребует выстраивания конструктивного диалога между странами региона для снижения барьеров, повышения взаимосвязанности (*connectivity*) и сотрудничества.

Возникновение новых торговых путей, создание новых торгово-экономических альянсов, растущие потоки товаров, капиталов и людей позволяют связать континентальную Евразию воедино на качественно новой основе. В результате совместных усилий страны Центральной Азии эффективно встраиваются в масштабные континентальные транспортные коридоры и, сообщая, формируют мощный логистический хаб, обслуживающий торговые потоки между Европой и Азией.

Экономический рост повышает устойчивость и стабильность стран. Это позволяет выровнять отношения с Россией, в частности, пересмотреть модель развития Евразийского экономического союза, а также сбаланси-



⁽⁵⁵⁾ Модель сырьевого развития Центральной Азии навязана советским руководством, которое иного пути для региона и не предусматривало (отсюда и характерное развитие первичной обрабатывающей промышленности и соответствующей инфраструктуры на вывоз природных ресурсов в промышленные центры СССР)



ровать вклад в военную безопасность Центральной Азии через Организацию Договора о коллективной безопасности.

Процветающий регион становится «евразийскими воротами» для Китая, который к тому времени стремительно выходит на первые позиции в глобальной экономической иерархии. Стратегия и действия Евросоюза, долгое время искавшего свое место в Центральной Азии, наконец, приобретают осмысленность и четкие очертания интересов в регионе – быстрый и устойчивый выход на крупнейшие рынки Азии.

Динамичный рост Китая и его экономики привлекает внимание и к его соседям – и в особенности к Центральной Азии, как ключевому элементу реализуемой инициативы «Один пояс, один путь». Страны Центральноазиатского региона за счет развитой транспортной инфраструктуры переходят на следующий этап Шелкового пути – развития производственных цепочек в сторону крупных рынков потребления на Западе.

Рост доходов и стабилизации экономики создают возможности для модернизации политических систем. Государства региона активно вкладывают в образование и просвещение. Экономические возможности и инклюзивность в политическую жизнь будет влиять на просвещенное развитие религии, снижение радикализации и поддержание светского характера государственного развития. Все это позволяет укрепить внутреннюю стабильность государств региона.

Центральная Азия играет заметную роль в Евразии. Геополитика сменяется геоэкономикой: центральноазиатские страны вместе с внешними партнерами решают вопросы структуры экономической кооперации и торговых режимов, транспорта и логистики, маршрутов транспортировки нефти и газа. Архитектура коллективной безопасности региона с участием внешних геополитических игроков строится на базе защиты, прежде всего, экономических интересов.

Конкуренция сохранится, но она будет менее явной, – каждая сторона будет стремиться поддерживать статус-кво и сложившийся конструктивный баланс сил, который позволяет внешним игрокам сохранять свой ареал влияния в Центральной Азии, реализовывать свои интересы в регионе, не вступая в конфликты и противоречия.



Международное положение региона	Регион открыт и хорошо интегрирован в мировые процессы, Центральная Азия использует свое геоэкономическое преимущество как географического узла Евразии, естественного континентального хаба.
Геополитика	Геополитика заменяется геоэкономикой: общность Центральной Азии формируется, благодаря экономике. Между странами развиваются конструктивный диалог и прагматичная кооперация, соперничество внешних игроков минимизировано.
Экономическое развитие	Найдены новые источники экономического роста из несырьевых секторов, идет диверсификация экономики, регион развивается на базе баланса потенциалов, ресурсов и интересов каждой страны.
Политическая система	Приход ответственных элит, ориентированных на реформы, развитие и региональный диалог, ставка будет сделана на профессиональный государственный аппарат и силу закона.
Общество	Либерализация политической жизни будет способствовать высвобождению предпринимательской энергии общества, укрепление светских основ государственности, ставка на образование.
Безопасность	Будет обеспечена за счет коллективных усилий государств региона с участием региональных структур, роль Центральной Азии в деятельности ШОС и ОДКБ будет усилена за счет роста их военно-технических возможностей.



Сценарий два: Процветающая автократия

Приход нового поколения политической и деловой элиты в странах региона не меняет ситуации в политической системе и общественном укладе. В условиях динамичных и противоречивых изменений в мире новые лидеры стремятся не экспериментировать с политической модернизацией и пытаются сохранить относительный статус-кво.

Центральноазиатские республики по инерции первых десятилетий суверенитета будут следовать модели сильной централизованной власти, а политические реформы будут носить, в основном, косметический, несистемный характер. В каждой стране региона эти процессы будут иметь свою специфику, обусловленную внешним фоном и комплексом вызовов внутренней стабильности.

Принцип «сначала экономика, затем политика» может стать примером для государственного развития *(в каждой стране эта концепция может иметь различные идеологические формы, но принципы будут аналогичными)*.

Это связано с тем, что экономики стран Центральной Азии столкнутся с пределом моделей экономического развития и будут вынуждены искать новые пути роста. Основные усилия обновленный правящий класс в странах региона направит на модернизацию экономики и поиск новых источников национальных доходов. Политическая стабильность будет усиливать инвестиционную привлекательность, но сохранение коррупции *(при консервации политической жизни)* будет снижать возможности для экономики.

Рост возможностей будет обусловлен сотрудничеством с более развитыми внешними партнерами и участием стран региона в самых разных геоэкономических проектах Евразии: от СНГ и ЕАЭС до ЭПШП, ШОС и выхода на рынки Южной и Восточной Азии. При этом Центральная Азия будет в более зависимом от внешних партнёров положении и может служить ресурсным источником или транзитным элементом для более крупных соседних экономик.

В результате усилий по модернизации экономик, центральноазиатские страны последовательно выходят *(полностью или частично)* из кризисного состояния и переходят на траекторию устойчивого экономического развития. Социально-экономическая динамика во всех республиках региона будет неравномерной ввиду все еще имеющихся различий в эффективности государственного аппарата, экономических возможностей и образованности населения.



При этом в условиях отложенной политической модернизации в странах региона может проявиться кризис идеологии. Политический вакуум может заполниться религиозными идеями, что будет способствовать активизации религиозных движений (*в том числе радикальных*) в обществах. При слабом внутривнутриполитическом балансе и отсутствии конкуренции политических программ оппозиция власти может исходить из политически и экономически окрепшей религиозной среды (*имеющей сильную социальную базу*).

Это будет серьезным вызовом развитию региона. Государства могут столкнуться с необходимостью или нахождения компромиссного баланса в диалоге с религией (признать ее, как равного участника политических процессов), или бороться за сохранение светских устоев государственности. Такая ситуация остро поставит на повестку дня проблемы политической модернизации, которые, по всей вероятности, будут решаться на следующем историческом этапе.

В условиях замкнутости государств региона на своих внутренних вопросах развития, единая повестка совместного развития Центральной Азии отсутствует. Регион де-факто сохраняет определенную разобщенность, внутрирегиональные тактические альянсы формируются на базе двусторонних (*нерегиональных*) интересов в торговле, вопросах распределения и потребления водных ресурсов, энергетике, миграции, вопросах безопасности и др.

В Центральной Азии в разных конфигурациях сходятся и сталкиваются интересы глобальных игроков. В ближайшие десять лет регион будет также поделен на сферы политического, экономического и военного влияния. Единственное отличие в том, что с учетом изменения ролей России, КНР и США, вероятно, изменится состав игроков с разным уровнем влияния. Сохраняется высокая степень вовлеченности внешних игроков в дела региона и их возможностей тактически манипулировать ситуацией. Внешние игроки будут стремиться расширить ареал своего влияния.

В этой связи внешние державы периодически будут провоцировать соперничество стран Центральной Азии за внешние ресурсы развития, проекты сотрудничества, выгодные транспортные коридоры и торговые режимы и др. В этом случае государства региона могут вновь конкурировать в отношениях между собой за внимание внешних игроков, способных обеспечить безопасность, вложить инвестиции и предоставить возможности для роста.



Международное положение региона	Новое позиционирование Центральной Азии – открытость миру через сотрудничество с внешними партнерами.
Геополитика	Геополитика преобладает над геоэкономикой, внутрирегиональная конкуренция ведется в разумном формате, сохраняется заметное влияние международных игроков.
Экономическое развитие	Модернизация и переход к новым моделям развития и источникам доходов, сохранение более зависимого положения в сотрудничестве с внешними партнерами.
Политическая система	Инерция обновленных политических элит в странах региона, консервация политической жизни, сохранение высокого уровня коррупции.
Общество	Роль образования будет расти, в то же время, в условиях вероятного кризиса идеологии может усиливаться роль религии с последующим ростом степени религиозности населения.
Безопасность	Экономический рост будет способствовать политической стабильности, безопасность будет переложена на региональные коллективные механизмы.

Сценарий три: Новое средневековье?

Центральная Азия стоит на стратегическом перепутье, пути политико-экономического развития государств окончательно расходятся. Разрыв в уровнях развития усиливается и приобретает четкие очертания. Географически соседние республики по социально-экономическому развитию принадлежат разным мирам (*от конкурирующих за места в высшей глобальной лиге до фактически failed state*).

Новые элиты в центральноазиатских странах замыкаются на внутренних вопросах и почти не ищут диалога и сотрудничества



внутри региона. Это исключает какое-либо формирование устойчивой общерегиональной идентичности. Изменения в политической жизни в странах Центральной Азии сильно разнятся, не во всех странах несет позитивный эффект обновление политических и деловых элит.

Отдельные государства региона пытаются проводить точечные реформы государственного управления для выхода из зоны неопределенности. Другие лидеры по инерции следуют заложенным в первые годы суверенитета традициям политического развития. На фоне международной нестабильности в ряде стран региона сохраняется консервация политической жизни.

В экономиках государств Центральной Азии острого пика достигает кризис нынешних моделей развития. Новые источники, способные полностью заменить природноресурсные доходы, найдены не всеми республиками, а диверсификация экономики реализуется слабо. Ценовые спады на сырьевых рынках обусловят новый вызов устойчивости стран региона. Не нашедшие новых источников экономического роста государства региона будут все более деградировать, что обусловит дезинтеграционный тренд.

Различия в развитии стран Центральной Азии продолжают усиливаться – возрастает сильный разрыв в экономическом развитии, в доходах и образованности населения, эффективности государственного управления и устойчивости стран региона. Ряд республик региона продолжают быть источниками трудовых мигрантов в прилегающие государства (*по прогнозам Международной организации миграции, численность молодой рабочей силы в Центральной Азии в ближайшие десять лет увеличится еще на 10 млн человек, которые будут нуждаться в трудоустройстве*). На этом фоне формируется сложная региональная иерархичность по уровню социально-экономического развития.

В регионе царит атмосфера «каждый сам за себя». Растет разобщенность, а кооперация сворачивается до нерегулярных обменов и формального протокольного, ни к чему не обязывающего диалога по линии региональных организаций. Все более размывается общерегиональная идентичность и заинтересованность в соседях, страны Центральной Азии отдаляются от друг друга и постепенно замыкаются на внутренних проблемах и своих интересах. В целом, регион остается придатком более крупных экономик.

Центральная Азия по факту постепенно распадается как единый регион, – он остается лишь некой географической условностью. На этом фоне усиливается продолжающееся расхождение



региона по цивилизационному развитию и геополитической ориентации.

Часть государств региона видит свою реализацию как евразийских стран, другая часть последовательно уходит в исламский мир со всеми вытекающими из этого последствиями. В таких условиях есть риск утери отдельными странами региона светского курса развития и усиления неформальной роли религии. Повышается опасность закрепления региона как источника религиозного фанатизма и потенциальной радикализации, что отразится на характере международного внимания к региону.

В стабильности и развитии Центральной Азии (*по аналогии 1990-2000-х годов*) вновь сильно возрастает роль внешних факторов. Усиливается влияние внешних геополитических игроков, которые воздействуют на атмосферу в регионе, исходя из своих интересов. Тем самым, возникает некая аналогия со средневековой моделью вассалов, жизнеспособность которых зависела от сюзеренов, имевших влияние, силу и ресурсы.

На первый план вновь выйдут вопросы безопасности, военного сотрудничества, которые будут влиять на политизацию всех сфер жизнедеятельности стран региона. Воздействие нестабильной ситуации в Афганистане, рост религиозного экстремизма при огромных социально-экономических, демографических проблемах в сочетании с межклановыми конфликтами в политике могут привести к появлению средневековой конфликтной атмосферы в Центральной Азии.

Этому будет способствовать и сильное внешнее влияние при отсутствии внутрирегиональной координации и слабого диалога. В этих условиях в регионе будет отсутствовать понятный стратегический баланс сил, а его конфигурация будет зависеть от тактических интересов и характера отношений крупных геополитических игроков. В зависимости от этого в Центральной Азии будет преобладать политическая неопределенность, а под влиянием внешних обстоятельств обстановка может часто и кардинально меняться.



Международное положение региона	Разрыв в уровнях развития приобретает четкие очертания, географически соседние республики по экономическому развитию принадлежат разным мирам, в регионе растет разобщённость, формирование общерегиональной идентичности почти исключено.
Геополитика	Геополитика доминирует над геоэкономикой: внутрирегиональный диалог заходит в тупик, усиливается межгосударственное соперничество, растет степень внешнего влияния на внутренние процессы.
Экономическое развитие	Диверсификация экономик стран региона различается, усиливающийся разрыв в уровне развития экономик определяет отдаление стран региона друг от друга, регион остается ресурсным придатком более крупных экономик.
Политическая система	Продолжение разрыва в уровнях политического развития, модернизация против консервации политической жизни, продолжение поиска «своего уникального» политического пути, в том числе на базе националистических и др. ценностей.
Общество	Изменение структуры обществ в странах региона, просвещение против маргинализации населения, размывание светских устоев государственности, усиление роли религии в обществе.
Безопасность	На первый план выходят вопросы безопасности, военно-технического сотрудничества, возрастает зависимость стран региона от внешних сил.



СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЦЕНАРИЕВ

<p>НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ</p>	<p>ПРОЦВЕТАЮЩАЯ АВТОКРАТИЯ</p>	<p>ЗОЛОТОЙ ВЕК 2.0</p>
<p>Резюме сценария</p>	<p>Резюме сценария</p>	<p>Резюме сценария</p>
<p>Экономический рост, реформы и прогресс будут наблюдаться не во всех странах. Произойдет консервация политической жизни. Растущий разрыв в политическом и экономическом развитии стран Центральной Азии будет усиливать разобщённость региона как единого целого – это будет способствовать соперничеству по модели Средневековья (конкуренция, противоречия, конфликты) и жесткому отстаиванию своих страновых интересов. В итоге усилится роль внешнего влияния в поддержании стабильности и безопасности региона.</p>	<p>Под влиянием международной нестабильности, роста вызовов развитию Центральная Азия пойдет по пути реализации модели «сначала экономика, затем политика» с отложенной на будущее политической модернизацией. В результате будет рост благосостояния при консервации политической жизни (в каждой стране будет своя степень закрытости). Кооперация в регионе будет непостоянной, тактические партнерства в Центральной Азии будут формироваться на базе временных проектов и интересов.</p>	<p>Наступление «золотого века» в Центральной Азии может быть возможным при нахождении и реализации новой модели экономического роста и прихода к власти прогрессивно настроенных представителей политического истеблишмента, способных к реформам государственного управления и политической системы. Регион начнет прагматичное развитие как единое экономическое целое – как более стабильный, безопасный евразийский хаб. Кооперация в Центральной Азии будет строиться на общих интересах и взаимодополнении потенциалов друг друга.</p>



ВЫВОДЫ: ЧЕГО МОЖНО ЖДАТЬ ОТ БУДУЩЕГО?

Данный доклад был технически готов к печати еще в конце прошлого года, однако, авторы приняли решение намеренно подождать с его публикацией и понаблюдать за начавшимися переменами в Центральной Азии. И на данный момент мы можем сказать, что, действительно, смена поколений в государственном управлении кардинально влияет на векторы развития региона.

Представленные в настоящем исследовании сценарии являются лишь одними из многочисленных вариаций вероятных путей развития региона. Они не гарантируют, что будущее наступит именно так, как это видят эксперты. Важно другое: оформленные в последовательный логический нарратив эти сценарные модели позволили авторам выявить и проанализировать **возможности и вызовы развития Центральноазиатского региона в ближайшие годы.**

Сегодня **Центральная Азия находится на сложном перекрестке возможностей и вызовов.** Полный крах или дестабилизация региона, который ему предсказывают уже многие годы самые разные «специалисты», вряд ли произойдет. Как показали прошедшие 26 лет развития, – Центральная Азия, несмотря на многие проблемы, обладает определенным запасом внутренней устойчивости и очень сложного баланса.

У каждого государства региона есть свои слабые и сильные стороны, чтобы в той или иной мере использовать новый этап. Как представляется, ближайшее десятилетие выступает для всего региона судьбоносным и во многом определит направление его долгосрочного развития. В частности, **этот период можно сравнить с первым десятилетием развития суверенитета республик Центральной Азии,** – тогда закладывался фундамент, на котором строилась их государственность в течение этих 26 лет.



События и тенденции следующего десятилетия ознаменуют переход государственности в Центральной Азии на новый этап развития, и **от того, как страны региона сумеют (или успеют) воспользоваться новыми возможностями и обойти вызовы, зависит качество зарождающегося обновления** (в сторону дальнейшего укрепления государственности или наоборот).

Кардинальные изменения в регионе обусловлены и **закономерной сменой длинных исторических циклов**. По данным McKinsey Global Institute, центр мирового экономического притяжения когда-то много столетий назад уже проходил через территорию Центральной Азии. Об этом подробно писал в своем известном исследовании и американский историк Фредерик Старр, называя тот исторический период «золотым веком» региона.²⁶

И, судя по расчетам аналитиков McKinsey, в ближайшие десять лет этот центр притяжения, как ожидается, будет вновь проходить через **Центральную Азию, Россию и Китай**.²⁷ Если принимать во внимание нарастающую кооперацию по линии инициированного Китаем Экономического пояса Шелкового пути и ожидаемое сопряжение с Евразийским экономическим союзом, то можно предположить, что новая геоэкономика сможет объединить и возродить Центральную Азию.

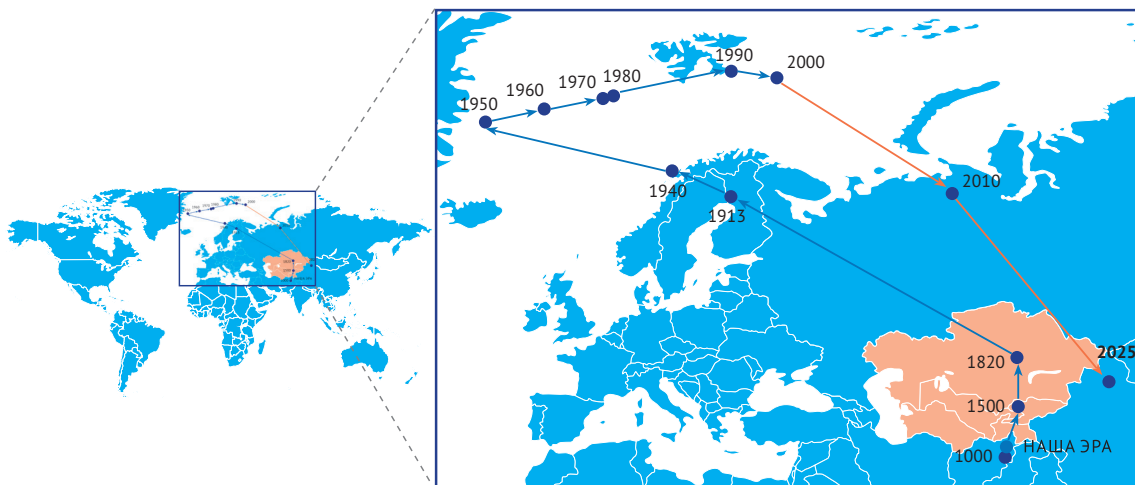
Наш регион становится евразийским эпицентром международной активности, подлинным хартлэндом. В ближайшие десять лет все новые геоэкономические проекты вокруг региона сформируют новый контекст его долгосрочного развития, который определит неизвестные риски и возможности. Для полной реализации потенциала, заложенного в развитии Центральной Азии как единого региона, предстоит найти ответы на множество вызовов – как экономических, так и в сфере безопасности.

26 Starr, Frederick. *Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane*. – Princeton University Press, 2015. – 680 p.

27 *Urban World: Cities and the Rise of the consuming class*. 2012 / www.mckinsey.com



ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОГО ЦЕНТРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ²⁸



Таким образом, динамика событий, происходящих в эти годы в Центральной Азии, позволяет говорить о том, что в XXI веке регион **переживет фундаментальные изменения, уникальные по своему содержанию и масштабам**. С таким утверждением вполне можно согласиться, и важно уже сегодня пытаться понять природу предстоящих изменений (*которые будут продолжительными и выйдут за горизонт десятилетия*).

Так, если принять во внимание «очередное открытие» региона миру и его новое позиционирование в международных делах, то, возможно, стоит согласиться и с прогнозными оценками, что трансформации, через которые Центральная Азия прошла в XX столетии, не идут ни в какое сравнение с тем, что ей предстоит в будущем.²⁹

Как отмечалось ранее, на Центральную Азию будет неизбежно влиять и **новое, высокое место соседнего Китая в международной иерархии**: нынешняя экономика «номер два», по прогнозам многих «мозговых центров», в ближайшие 10-15 лет опередит Соединенные Штаты и, возможно, возглавит мировое экономическое развитие⁽⁵⁶⁾.



⁽⁵⁶⁾ По прогнозам американской разведки, к 2030 году экономика КНР обойдет экономику США, а Азия станет более влиятельным регионом, чем Европа и Северная Америка вместе взятые. Источник: Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. – Национальный совет по разведке США. 2012 / www.dni.gov

²⁸ Обработано по данным: *Urban World: Cities and the Rise of the consuming class*. 2012 / www.mckinsey.com

²⁹ Данков А. *Центральная Азия через 100 лет: после «Большой трансформации»*. – РСМД, 2013. / <http://russiancouncil.ru>



По другим оценкам, Китай вплотную приблизится к уровню развития США, соответственно, экономическая конкуренция и соревновательность между двумя крупными игроками многократно усилится⁽⁵⁷⁾.

Эти новые реалии являются крупным вызовом и для самого Китая, который под влиянием динамичных перемен будет стремительно внутренне и внешне меняться. Готовящийся к новому статусу полноценного глобального игрока **Китай уже стал орбитой притяжения политических и экономических интересов большинства стран Европы и Азии**. Как показывают события последних лет, КНР уверенно утверждается как площадка для крупных многосторонних встреч и дискуссий.

Для будущего нашего региона, по всей видимости, это будет иметь фундаментальное значение. Наблюдения показывают, что **Центральная Азия, объективно, сама по себе представляет мало интереса как политико-экономический субъект** (очень маленькая емкость рынка и др.). Однако соседство региона с одной из ведущих экономик мира дает ей **качественно новое позиционирование в международной системе координат**. Это подтверждается

и содержанием дискуссий на многочисленных международных форумах, конференциях и семинарах.

Например, в течение более чем двадцати лет интерес к нашему региону был обусловлен задачами изучения, главным образом, России (как долгое время доминировавшей в регионе державе). Сегодня таким фактором интереса к Центральной Азии со стороны мирового сообщества стала **в основном КНР**⁽⁵⁸⁾. Так, объективно, китайская инициатива возрождения Шелкового пути – это единственный трансрегиональный проект, направленный на развитие транзитного (и, в целом, экономического) потенциала Центральной Азии.

В этой связи авторы считают, что возрастающая в настоящее время активность Китая (ее направленность, характер интенсивности) в долгосрочной перспективе **будет прямо и**

⁽⁵⁷⁾ США сохраняют лидирующие позиции: по мнению экспертов, к 2030 году ВВП страны увеличится до 22,8 трлн с 16,8 трлн долл. в 2015 году. Вплотную к США приблизится Китай: ожидается, что ВВП страны составит 22,2 трлн долл. Третье место отдала Индия (6,6 трлн долл.), далее следуют Япония (6,4 трлн долл.), Германия (4,5 трлн долл.). Источник: <http://www.rbc.ru/economics/12/04/2015/552ab1559a79475535e356f8>

⁽⁵⁸⁾ Роль РФ в зарубежном интересе к региону сегодня также не снижается, но фокус интереса изменился. Если российский фактор проецируется на Центральную Азию, в основном, в русле вопросов безопасности, то китайский – в контексте континентальной экономической кооперации. В частности, это обусловлено тем, что сегодня через территорию Центральноазиатского региона проходит до 80% всего грузопотока с Востока на Запад в рамках «Одного пояса, одного пути».



косвенно определять многие процессы в регионе. Это связано не обязательно с Экономическим поясом Шелкового пути, или степенью отношений стран Центральной Азии с КНР, а именно процессами внутри Восточного соседа.

В начале 2010-х годов Китай принял решение постепенно и качественно изменить форму своего присутствия в Центральной Азии. Внимание к нашему региону со стороны КНР обусловлено и тем, что многие вопросы двусторонних отношений с центральноазиатскими странами рассматриваются Пекином сквозь призму развития **своих западных районов – СУАР в частности** ⁽⁵⁹⁾. Развитие Синьцзян Уйгурского автономного района (СУАР) КНР уже оказывает заметное на экономику всей Центральной Азии и Казахстана, в частности.

Без учета фактора СУАР **невозможно сконструировать целостный взгляд на развитие всей Центральной Азии**. Ведь именно с Синьцзяном у Казахстана и других стран региона связаны многие вопросы безопасности, экологии, разделения воды, энергетического сектора, торговли и др. Планы индустриализации западного района КНР четко ориентированы на связывание СУАР



⁽⁵⁹⁾ Синьцзян является стратегической границей северо-запада Китая, ключевым районом стратегии развития западных районов Китая, важным окном на Запад для Китая, энергетической базой и основным участком экономического пояса Шелкового пути. С 2000-х годов СУАР развивается на основе стратегии «Большого освоения Запада» до 2050 г. (принята в связи с высочайшим уровнем региональной дифференциации, породившей не только серьёзные экономические, но и социально-политические последствия). Основным механизмом их сглаживания стал комплекс мер по выведению отсталых западных регионов из глубокого кризиса и реструктуризацию их экономики. Одной из базовых целей стратегии было подведение всех нацменьшинств, составляющих большую часть населения западного края, под общую основу.

Эта основа сводится к трём базовым постулатам: единая национальная идея, единая интегрированная экономика и общая политическая культура. На текущем, втором этапе (2011-2030 гг.), приоритет в развитии СУАР отдается модернизации промышленности. Промышленному развитию отдает приоритет и Казахстан. Кроме того, с 2017 года началась реализация проекта по переносу производственных мощностей из КНР в РК, что будет стимулировать объединение Центральной Азии и СУАР во взаимодополняемую промышленную систему. В настоящее время Казахстан является главным торгово-экономическим партнёром Синьцзяна среди всех 8 стран, с которыми граничит этот район Китая.



и Центральной Азии обширной сетью прямых транспортных сообщений⁽⁶⁰⁾.

Кроме того, фактор Китая в нашем регионе целесообразно рассматривать не только с позиции активизации самого Пекина, сколько в контексте **усиления кооперации КНР с Евросоюзом** и общим увеличением континентальных торгово-экономических обменов между Азией и Европой. Обойти Центральную Азию эти потоки не могут, и в этом смысле Европа становится ближе (т.к., несмотря на многолетние усилия, транспортные проекты ЕС, такие как ТРАСЕКА, не принесли ощутимого результата)⁽⁶¹⁾.



⁽⁶⁰⁾ Китайское руководство видит в г.Урумчи свой вариант как торгово-экономического, инвестиционного, так и финансового регионального центра. Согласно генплану развития г.Урумчи, уже к 2020 году административный центр Синьцзяна, по планам КНР, должен стать одним из центральных городов Западного Китая, преобразованным в торговый и финансовый центр, ориентированный на Центральную и Западную Азию. ВВП Синьцзяна в 2016 году вырос на 7,6% по сравнению с предыдущим годом – до 138,4 млрд долл. Однако масштабное развитие СУАР несет серьезные экологические риски для региона. Активное развитие промышленных и сельскохозяйственных объектов требует большого количества водных ресурсов. Поэтому возникает риск забора воды из трансграничных рек и притоков, а также их загрязнение.

⁽⁶¹⁾ Энергия развития ОПОП исходит уже не только из КНР, ответный усиливающийся интерес проявляется и из Европы. И это вполне объяснимо: Китай занимает второе место среди торговых партнеров ЕС. И в европейских столицах стали понимать не только экономическую выгоду от ОПОП: также пришло осмысление своей цивилизационной миссии, которую Евросоюз (как международный субъект) пытается нащупать уже давно. Изменилась ситуация в Европе: стратегический интерес к КНР у европейцев растет с каждым годом. И здесь у европейцев свои задачи – прежде всего, наладить еще более тесное сотрудничество с емким рынком Азии. Это предоставляет Европе новую возможность для получения доступа к быстро развивающемуся китайскому (и азиатскому) среднему классу, платежеспособность которого активно растет. Также за счет Китая европейцы получают дополнительный «козырь» в переговорах с США, энергично продавливающими свои интересы в торговле. Инфраструктурная сеть коммуникаций «Китай-Европа» (развитая, в основном, за счет усилий КНР) достигла того уровня развития, когда европейцы также могут получать выгоду от ее использования. К 2017 году товарооборот между Китаем и Евросоюзом составил до 500 млрд евро в год с приростом до 4,2%, сальдо взаимной торговли пока остается устойчиво положительным в пользу КНР. В Европе хорошо понимают, что выгода Шелкового пути будет тогда, когда будет замкнутый цикл, в котором контейнеры перевозят грузы в обоих направлениях. В Европе (как и в Китае) идет переосмысление своего положения в мировой экономике и политике. Целый ряд сложных внутренних процессов влияет на это: выход Великобритании из ЕС и необходимость доступа к альтернативным рынкам.



В практическом контексте важность этой тенденции для нашего региона можно объяснить следующим. Судьба Центральной Азии, как единого пространства, зависит от степени физической связанности – доли товаропотока, которая будет проходить по суше, а не по морю. Запад и Восток евразийского континента представляют собой две крупнейшие экономики мира – Китай (2-я позиция после США) и ЕС (где Германия занимает 3-ю позицию, а Великобритания – 5-ю).

Под влиянием реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь», сухопутная часть которой многократно пересекает наш регион, Центральная Азия, наконец, получила возможность реализовать свою **естественную геоэкономическую роль как континентального моста между странами Востока и Запада** (именно ту международную роль, которую регион играл две тысячи лет назад).

Один из ключевых вопросов ближайшего будущего в том, как эта **новая нарождающаяся геополитическая и геоэкономическая реальность будет воспринята в центральноазиатских столицах**, и как этим смогут (при каких условиях, и смогут ли вообще?) воспользоваться политические и деловые круги стран нашего региона.

Перед регионом стоит очень непростая задача использовать новые преимущества, **вырасти и укрепить вместе с этим энергичным умножением экономической кооперации**, а не стать лишь техническим коридором для перевозки грузов с одной части континента на другую. От мышления, гибкости и деловой хватки новых элит стран Центральной Азии зависит та роль, которую регион будет играть через десять лет.

Параллельно этому **меняется геополитическая среда вокруг Центральноазиатского региона**. Небольшой по размеру географический ареал уже представляет собой сверхконцентрированную многополярность или очень плотное сосредоточение целого ряда держав и крупных геополитических игроков, таких как **Россия, США, КНР, Иран, Турция, Индия, Япония, Южная Корея** и др.

В Центральной Азии, с ее и без того сложным географическим и политическим окружением, в самых разных конфигурациях сходятся интересы глобальных игроков. С одной стороны, это открывает многовариантность и широкий спектр возможностей для сотрудничества и политического баланса, а с другой, – специфический набор игроков в Центральной Азии делает этот баланс чрезвычайно сложным.

В ближайшие десять лет под влиянием сильных геоэкономических трансформаций традиционная роль **России** в регионе, скорее всего, может подвергнуться определенным изменениям. Российское влияние в регионе сохранится (в особенности в отдельных



сферах, например, в военной), однако, в условиях растущей конкуренции Москве, видимо, придется переосмыслить свои подходы к Центральной Азии ввиду формирующихся внутрирегиональных тенденций (связанных с социокультурными, демографическими и политическими изменениями) и общей смены конъюнктуры в Евразии.

Будущие позиции России в регионе (или ее цивилизационная привлекательность для региона, как это было в XX веке) будут во многом зависеть от того, насколько Москва сумеет вновь объединить Центральную Азию (тогда ее политика будет коррелироваться с естественными процессами, происходящими на континенте). Пока что ЕАЭС, как ключевой региональный проект, поддерживаемый РФ, разделяет регион на несколько неравных частей (в отличие от проектов других игроков). Но этой новой объединительной повесткой, по всей вероятности, будет заниматься уже новый российский лидер после 2024 года.

Перед Россией возникает и новый вызов: в Центральной Азии

растет интерес молодежи к изучению китайского языка. Уже сейчас он прочно занял второе место по изучаемости после английского. Количество носителей русского языка постепенно уменьшается, и, соответственно, статус русского языка снижается. По сравнению с русским языком, китайский язык становится все более популярным среди молодежи. Специалисты прогнозируют, что в языковом плане Центральная Азия, возможно, будет идти по формуле «развивать китайский, сохранять русский, учить английский».³⁰

Соединенные Штаты будут продолжать пытаться изменить географические перспективы Центральной Азии – от постсоветского пространства в сторону Южной Азии и Индии в частности⁽⁶²⁾. Мотивация Вашингтона понятна – американцы будут неизменно

(62) Эксперты Астанинского клуба считают, что помимо китайского ЭПШП, свое видение транспортной стратегии для Центральной Азии имеют США. В рамках проекта «Нового Шелкового пути» ставится задача связать регион с глобальными рынками с помощью маршрутов Север-Юг. Предполагается, что развитие автомобильного, и, возможно, железнодорожного сообщения между Центральной Азией и Индией через территории Афганистана и Пакистана поможет стабилизировать регион, а также вывести центральноазиатскую продукцию на мировой рынок через побережье Индийского океана. Однако США не обеспечили финансовую сторону этих проектов, а международные финансовые институты не стремятся вкладывать в эти проекты инвестиции. Американская дипломатия организационно выделяет работу в Центральной Азии, рассматривая ее не как часть постсоветского макрорегиона, включающего Россию, а как часть Большой Южной Азии. По материалам: Геоэкономика Евразии. Доклад Астанинского клуба. – Астана: ИМЭП, 2015. – 32 с.

³⁰ Саидович Я., Ли Минфу. Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Евразийские исследования. – 2016. – №2. – С. 62.



стремиться ограничить присутствие России и сбалансировать растущую китайскую активность в Евразии за счет индийского потенциала.

Вряд ли стоит ожидать кардинальных изменений в стратегическом восприятии Центральной Азии в политике США (*особенно с учетом того, что Дональд Трамп, в принципе, уже контурно обозначил подходы к региону сквозь призму возвращения военного присутствия в Афганистане, а этот вектор может сохраниться до 2025 года*). Если оценивать объективно, то регион, по всей видимости, сохранит нынешнюю роль вспомогательного ареала для реализации американских геополитических задач в Евразии.

Что же до позиции самих стран региона, то, по оценкам экспертов, в стратегии их геополитического позиционирования продолжит преобладать идеология прагматического баланса векторов внешней политики. Представляется, что другой конструктивной альтернативы, особенно в условиях повышенного международного внимания, у Центральной Азии нет. А вот достижение этого баланса во многом будет зависеть от внутренней согласованности и координации действий всех центральноазиатских республик.

Все эти процессы будут одновременно происходить на фоне внутренних перемен. Так, завершив празднование 25-летия независимости, **все страны региона вступили во второй поколенческий цикл**. В центральноазиатских государствах выросла целая генерация полностью суверенных граждан, уже фактически не имеющих отношения к СССР, в следующую декаду произойдет полная десоветизация Центральной Азии.

В странах региона ожидается последовательная смена элиты. Вхождение в политический истеблишмент и деловые круги новых людей с другими ценностями, восприятием мира и приоритетами способно заметно повлиять на коррекцию государственного развития стран региона. Прежний идеологический вакуум в центральноазиатских сообществах заполняется сложным (*иногда даже конфликтным*) потенциалом нравственных ценностей с разнообразным националистическим, религиозным и историко-психологическим подтекстом.

Кардинальные изменения в мировой экономике (*в частности, смещение глобализации из физического в информационное измерение, долгосрочный спад на сырьевых рынках, новая технологическая волна, меняющая роль физического труда человека и др.*) обуславливают возможную (*а, во многом, и неизбежную*) **смену модели экономического развития Центральной Азии** в ближайшие десять лет. Изменение модели национальных экономик



будет способствовать формированию новых отраслей и появлению нового экономического класса со своими политическими воззрениями и установками.

К власти *(на разных ее уровнях)* придут представители суверенного поколения, имеющие минимальные связи с периодом СССР *(постсоветское поколение физически родилось в СССР, но его ментальность формировалась в суверенный период, а суверенное поколение связано с советским периодом лишь через своих родителей)*. Это может означать, что странам региона придется искать новые точки соприкосновения между собой. Базис кооперации в Центральной Азии будет сформирован на абсолютно новых принципах.

Качественные изменения, уже наблюдаемые в регионе сразу после смены руководства в Узбекистане в 2016 году, выпукло обозначили **новую перспективную линию для регионального диалога**. В результате первых шагов нового узбекского лидера по улучшению отношений с соседями в Центральной Азии заметно изменилась атмосфера и формат сотрудничества, что делает реализацию новых возможностей осуществимой.

С каждым годом происходит неизбежная естественная десоветизация региона, **именовать его «постсоветским» более не имеет смысла** *(ни политического, ни географического, ни цивилизационного)*.

В ближайшее время предстоит непростая задача подобрать или сформулировать соответствующий корректный термин, отражающий некую политическую и историческую идентичность меняющейся и обновляющейся Центральной Азии. Кроме того, этому способствует и открывающиеся перед регионом географические перспективы – центральноазиатские страны более не замыкаются на пространстве СНГ и участвуют в обширных евразийских геоэкономических проектах.

Процветание региона в будущем лежит в геоэкономической, а не в геополитической плоскости, это требует прагматики и кооперации. Для полноценной реализации потенциала, заложенного в развитии Центральной Азии как единого региона, в перспективе предстоит найти ответы на множество вызовов – как экономических, так и в области безопасности.

Настоящее исследование проведено с одной единственной целью – помочь Центральной Азии самой создать свое будущее. Будущее всегда открывает новые возможности и формирует новые вызовы. На основе экспертных оценок и сценарных вариаций авторы выделили **возможности** – в случае реализации они определяют новый уровень развития тех стран региона, которые



сумеют ими воспользоваться, и **вызовы** – в лучшем случае они будут стимулировать сохранение статус-кво, в худшем – риски могут стать триггерами серьезного отката государств назад в развитии (*уход на периферию*).

10 ВЫЗОВОВ БУДУЩЕГО

1. Фрагментация региона: как единого политико-экономического целого, ведущая к дальнейшей разобщенности в Центральной Азии с последующей конкуренцией, конфронтацией и конфликтами между странами региона – в результате продолжение увеличивающегося разрыва в уровнях развития центральноазиатских государств.

2. Дисбаланс и соперничество: региональная конкуренция за внимание внешних держав, за инвестиции, маршруты транспортных коридоров и др. – в итоге ослабление Центральной Азии, усиление внешнего влияния и нарушение геополитического баланса при резком усилении одной или нескольких держав, или использование ими региона как полигона для «выяснения отношений» (*РФ и США, США и КНР, Китая и Индии и др.*).

3. Экономический регресс: слабая диверсификация экономики и следование традиционным моделям экономического развития – в результате неспособность использовать активное торгово-экономическое сближение Востока и Запада и вероятное выпадение на периферию евразийской геоэкономики (*Центральная Азия как сугубо перевалочно-транзитная зона*).

4. Разложение изнутри: сохранение высокого уровня коррупции и слабые меры властей стран Центральной Азии по снижению коррумпированности государственных систем нивелируют любые прогрессивные инициативы развития (*недоверие населения и иностранных партнеров*), снизит приток инвестиций и будет наносить репутационный урон региону.

5. Закат просвещения: снижение государственных инвестиций в образование, спад грамотности населения и деградация человеческого капитала – в результате сохранится модель экспорта трудовых ресурсов на зарубежные рынки и продолжится отток умов из экономик Центральной Азии (*шансы на прогресс региона снизятся до минимума*), кроме того, ускорится распад созданной еще в советское время технической и социальной инфраструктуры.



6. Консервация политики: сохранение статус-кво (*страхи элит перед трансформациями в мире*) или ухудшение политических систем в странах региона приведет к консервации архаической кланово-племенной социально-политической структуры обществ, а также сокращению шансов на развитие – через слабую эффективность госаппарата, нетранспарентность принятия решений, клановость политических элит, сохранение высокой коррупции, не работающей системы представительства интересов и жесткий контроль гражданской активности.

7. «Опиум для народа»: рост религиозности населения (*с проникновением радикальных идеологий*), повышение роли религии в государственных делах и вероятная утрата светской модели развития – в результате возможны откат социального развития стран Центральной Азии и закрепление за регионом репутации поставщика боевиков в международные террористические организации.

8. «Афганизация» региона: продолжающаяся дестабилизация военной обстановки в Афганистане (*сдвиг внутреннего конфликта на Север страны к центральноазиатским границам*) при отсутствии политического диалога и военной кооперации в Центральной Азии будет представлять опасность для всех стран региона и возможный рост зависимости от внешних сил в обеспечении региональной безопасности.

9. Вызов с Юга: развитие транспортных коридоров из Центральной Азии в южном направлении (*через Афганистан в Пакистан и Индию*) может привести к росту миграции с перенаселенного Юга на Север. Это может привести к усилению идеологического влияния со стороны радикальных религиозных организаций, к которому страны Центральной Азии не готовы.

10. Незрелая интеграция: развитие ЕАЭС в нынешнем формате (*без единой объединительной стратегии для Центральной Азии и соответствующей политики со стороны России*) будет провоцировать дальнейшее разделение региона (*одни страны будут членами ЕАЭС, другие – нет, а правила Экономического союза будут сдерживать экономическое сотрудничество между центральноазиатскими странами*).

10 ВОЗМОЖНОСТЕЙ БУДУЩЕГО

1. Суверенные надежды: обновление элит в странах региона через приход молодого поколения (*мировоззрение*



которого сформировалось после 1991 года, не связано с советской идеологией) с современным образованием, новыми ценностными установками и ориентацией на реформы в руководство политикой, бизнесом, общественными инициативами, культурой может стать драйвером прагматичного прогресса Центральной Азии, в том числе укрепления понимания безальтернативности внутрирегионального сотрудничества.

2. Человеческий капитал выступает одним из ключевых факторов возможного возрождения: постоянные инвестиции стран Центральной Азии в людей (*образование, здоровье, социальную сферу, качество жизни и др.*) будут способствовать не только росту образованного населения и сохранению интеллигенции, но и росту качества человеческих ресурсов, способных к науке, предпринимательству, инновационной деятельности и работе с современными технологиями (*что важно для наукоемких производств и привлечению инвестиционных проектов*).

3. Модель для роста: в условиях трансформации мировой экономики республики региона достигнут предела сырьевой модели экономического развития – нужны будут новые источники доходов, которые видятся в развитии обрабатывающего сектора промышленности (*связанной с региональными производственными цепочками*), сельского хозяйства, транспортно-логистической инфраструктуры, «зеленой» энергетики и др., реализация которых зависит от целого ряда факторов – от качества госуправления и политической стабильности до прагматизма внешнего курса и внешнеэкономических партнерств.

4. Сначала экономика, затем политика: синхронизация экономического роста с продуманными политическими реформами будет способствовать повышению эффективности государственного аппарата, открытости новым возможностям развития (*гибкость и адаптивность политической системы к новым социально-экономическим реалиям*), контролируемому вовлечению гражданского общества и последовательному противодействию коррупции на всех уровнях.

5. Разумный секуляризм: шансы на просвещенное возрождение и экономический рост Центральной Азии – в сохранении светской модели государственности и четком отделении религии от государственных дел через направление религиозной жизни в сугубо духовную сферу; это потребует от стран региона формулирования прогрессивной государственной идеологии, которая будет объединять граждан.



6. Геоэкономика без геополитики: Центральной Азии предстоит научиться выгодно пользоваться своей уникальной географией, которая может открыть новые возможности для развития, если центральноазиатские страны согласованно смогут найти сбалансированную формулу кооперации с внешними державами на базе общих экономических выгод и интересов, тогда и различные проекты (*ЕАЭС, ЭПШП, Новый Шелковый путь и др.*) будут способствовать, а не противодействовать сближению и процветанию всего региона.

7. Евразийская миссия: в центральноазиатской идентичности заложено будущее нового экономического роста региона – через скоординированное разделение труда, преодоление изолированности посредством развития транспортной инфраструктуры для преобразования Центральной Азии в евразийский континентальный хаб, обеспечения трансрегиональной торговли, производственных цепочек, движения капитала, коллективного выхода на новые рынки и др.

8. Ренессанс для connectivity: будущее региона как единого целого – в совместных региональных усилиях центральноазиатских республик по развитию связанности региона на уровне постоянного политического диалога (*регулярные встречи официальных лиц на разных уровнях, совершенствование договорно-правовой базы отношений, развитие новых региональных площадок*), торговли и экономического сотрудничества, и культурных обменов.

9. Непростое соседство: странам региона необходимо научиться работать с возвышающимся Китаем (*имеющим свою ментальную и культурную специфику*), увеличивающим свою мощь, устремляющимся на новые горизонты роста, последовательно меняющим реконфигурацию Евразии и всей международной системы (*через «Один пояс, один путь»*), от уровня и качества политики центральноазиатских республик в отношении перспективной «экономики номер один» будет зависеть преобразование китайского вызова в риск или возможность.

10. Безопасность в коллективе: безопасность Центральной Азии заключается в политическом диалоге (*восприятие угроз региону как общей проблемы, создание единой стратегии*), совместных оборонных усилиях и разумном соединении военно-технических потенциалов (*ни одна страна региона в одиночку не состоятельна в противодействии транснациональным угрозам*), такой осмысленный кооперативный под-



ход усилил бы эффективность таких региональных структур, как ОДКБ и ШОС.



ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Представленный доклад – это продукт коллективных усилий, который был получен на основе данных для анализа, собранных при помощи метода краудсорсинга. Результаты исследования – это не видение казахстанского экспертного сообщества: особенностью настоящего прогнозного моделирования является интеллектуальный вклад экспертов из всех стран Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Мы пригласили принять участие в экспертном интервью не только аналитиков, ученых и представителей академической среды, но и государственных служащих центральных органов власти, представителей деловых кругов и общественных активистов. Такой подход позволил расширить наш взгляд на региональные процессы, а также добиться целостного и объективного видения вероятного будущего нашего региона.

Авторы настоящего исследования хотели бы выразить большую признательность всем, принявшим участие в интервью и внесшим свой весомый вклад в реализацию исследовательского проекта, и, в частности, Абакирову А., Абиджанову А., Абралиеву К., Айсаутову Т., Айтжановой А., Акелееву А., Амангельдиной А., Аминжонову Ф., Амиржановой М., Амребаеву А., Арынову Ж., Асминкину Я., Ахметовой Л., Аязбекову А., Багдатову Е., Базарову А., Бактыгулову Ш., Балтабай А., Бекмурадовой М., Бердакову Д., Бисенбаеву А., Бурнашеву Р., Губайдуллиной М., Гусаровой А., Далдабаевой А., Джанибекову Н., Джураеву Ш., Жайлину Д., Жолдасову А., Жумалы Р., Жунушову Б., Ибрагимову М., Ибрагимовой Г., Ибраимову Т., Избайирову А., Илеуовой Г., Ирнарарову Ф., Каиповой Б., Капарову К., Каражанову З., Каратаевой Л., Карманову К., Карсакову И., Кожировой С., Колаковой Г., Косназарову Д., Косыбаеву Г., Кулахметовой А., Лазариди Н., Лаумулину Ч., Лепсибаеву Ч., Майгельдинову К., Мамадазимову А., Маргуланулы А., Мармонтовой Т., Махмудову А., Махмудову О., Мелдеханову Н., Мередовой М., Мироненко М., Мирсаидову Х., Мовкебаевой Г., Морозову А., Мун Л., Мураталиевой М., Мурзагалиевой А., Нажмудинову Б., Назарову Р., Ничараповой Ж., Ногойбаевой Э., Нурдаулету Д., Нурматовой О.,



Нурсеитову А., Нурушевой Д., Нурше А., Олжаеву М., Олимову М., Омарову А., Орлову Д., Отыншиеву А., Парамонову В., Полетаеву Э., Раджаббоеву М., Рахимжановой А., Рахимову К., Рахматуллаеву А., Сандыбаеву А., Сарабекову Ж., Сейдахметовой Б., Сейтхалиулы А., Собирзоде Р., Сулеймен М., Султанову Т., Сыроежкину К., Тимофеенко Л., Токтомушеву К., Толипову Ф., Тураровой Д., Уразову Н., Умарову А., Урмантаеву Н., Устименко А., Шаиковой А., Шамишеву Е., Шибутову М., Эргашеву Б., а также еще 46 экспертам из всех стран нашего региона, пожелавшим анонимно участвовать в экспертном опросе.

Также отдельную благодарность авторы выражают директору Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Елбасы **Е. Салтыбаеву**³¹, внесшего значительный аналитический вклад в изучение современных процессов в Центральной Азии, результаты которого были использованы при подготовке настоящего доклада.

Особую благодарность авторы настоящего доклада выражают **П. Тешендорфу, З. Шутовой и представительству Фонда Фридриха Эберта в г. Астане;** директору Центра актуальных исследований «Альтернатива» **А. Чеботареву**³², аналитической группе **Центра по изучению Китая** г. Астаны³³, а также участникам из **региональной сети САМСА** (*Central Asia, Mongolia, Caucasus, Afghanistan*) – выпускникам программы Университета Джонса Хопкинса и Фонда Д. Рамсфельда (США), которые ответили на вопросы экспертного интервью и, в целом, оказали неоценимую интеллектуальную поддержку в реализации исследовательского проекта.

31 ИМЭП при Фонде Первого Президента РК – Елбасы, www.iwep.kz

32 Центр актуальных исследований «Альтернатива», www.alternativakz.com

33 Центр по изучению Китая, www.chinastudies.kz



ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. A Global or Regional Future for Central Asia? – CSIS, 2015 / www.csis.org
2. Арыпов, Eldor. Uzbekistan Works to Reshape Central Asia // The Central Asia-Caucasus Analyst. 2017. – November / www.cacianalyst.org
3. Bossuyt, Fabienne. The European Union's Political and Security Engagement with Central Asia: How to Move Forward // The Central Asia-Caucasus Analyst. – 2017. – September / www.cacianalyst.org
4. Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. A Collection of Essays from Central Asia. Ed. by Laruelle, Marlene and Kourmanova, Aitolkyn. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>
5. Central Asia Is a Critical Crossroads. – Atlantic Council, 2017 / www.atlanticcouncil.org
6. Central Asia 2050. Unleashing the Region's Potential. Editors: Rajat M. Nag, Johannes F. Linn, Harinder S. Kohli. – Astana, National Analytical Center, 2016. Published by SAGE Publications India, New Delhi, 2016. – 337 p.
7. Central Asia: greater Eurasia scenarios. – 2016 / www.geopolitica.ru/en
8. China's Strategy Toward South and Central Asia. By Andrew Scobell, Ely Ratner, Michael Beckley – RAND, 2014 / www.rand.org
9. China and the World: Scenarios to 2025. World Scenario Series. World Economic Forum, 2006 / www.weforum.org
10. China, The United States, and the Future of Central Asia: U.S.-China Relations, Volume I. by David B.H. Denoon. – NYU Press, 2015. – 464 p.
11. Decade Forecast: 2015-2025. – STRATFOR, 2015 / www.stratfor.com
12. Florick D. China's Role in Central Asia. Issues & Insights Vol. 17 – No. 5. – CSIS, 2017. – 32 p.
13. Fukuyama, Francis. Exporting the Chinese Model / www.project-syndicate.org
14. Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council. – 2012 / www.dni.gov



15. Imanaliev, Muratbek. China and Central Asia: post-Soviet developments. Valdai Club, September 2017 / <http://valdaiclub.com>
16. Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials, and Cultural Change. Ed. by Laruelle, Marlene. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>
17. Kazantsev, Andrei. Five Scenarios for the Future Borders of Central Asia. Russian International Affairs Council, 2013 / <http://russiancouncil.ru>
18. Koetti J. Which countries face the biggest policy challenges of aging populations in Europe and Central Asia? – Brookings Institute, 2016 / www.brookings.edu
19. Krumm, Reinhard. Central Asia The Struggle for Power, Energy and Human Rights. – Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2007. – 20 p.
20. Kuchins A., Mankoff J. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. – CSIS, 2015. – 24 p.
21. Kyrgyzstan: Political Pluralism and Economic Challenges. Ed. by Laruelle, Marlene. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>
22. Mankoff J. The United States and Central Asia after 2014. – CSIS, 2013. – 44 p.
23. Migrant Vulnerabilities and Integration Needs in Central Asia: Root Causes, Social and Economic Impact of Return Migration. Regional Field Assessment in Central Asia 2016. – Astana: IOM, 2016. – 260 p.
24. New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities (Volume 1). Ed. by Laruelle, Marlene. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>
25. Radnitz, Scott. Post-Succession Scenarios in Central Asia // PONARS Eurasia. – Policy Memo No. 373. – 2015. – August.
26. Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors. Toward Diving Insecurity. – CSIS, 2017. – 42 p.
27. Starr, Frederick. Kazakhstan 2041: the Next Twenty-Five Years. – Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2016. – 66 p.
28. Starr, Frederick. Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane. Princeton University Press, 2015. – 680 p.
29. Scenarios for the South Caucasus and Central Asia. World Scenario Series. World Economic Forum, 2014 / www.weforum.org
30. Tajikistan: Islam, Migration, and Changes. Ed. by Laruelle, Marlene. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>
31. The Impact of China on Europe and Central Asia. – Washington: IBRD / The World Bank, April 2016 / www.worldbank.org
32. The Transport Sector in Central Asia. OSCE: Central Asia Data Gathering and Analysis Team, 2012 / www.osce-academy.net
33. Turkmenistan: Changes and Stability under Berdimuhamedow. Ed. by Laruelle, Marlene. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>
34. Urban World: Cities and the Rise of the consuming class. By Richard Dobbs, Jaana Remes, James Manyika, Charles Roxburgh, Sven Smit and Fabian Schaar. McKinsey Global Institute, 2012 / www.mckinsey.com
35. Uzbekistan: Political Order, Societal Changes, and Cultural Transformations. Ed. by Laruelle, Marlene. – GWU, IERES, 2017 / <http://centralasiaprogram.org>



36. Wright, G., Cairns, G. Scenario Thinking. Practical Approaches to the Future. – London: Palgrave Macmillan UK, 2011. – 192 p.
37. Берроуз М. Будущее: рассекречено. Каким будет мир в 2030 году. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 352 с.
38. Бордачев Т., Смолл Э., Ван Цинсун. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества. – М.: Валдай, 2016. – 18 с.
39. Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – №1 / <https://ca-c.org>
40. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Национальный совет по разведке США. 2012 / www.dni.gov
41. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 8, Том 60, Август.
42. Картирование неурегулированной миграции в Центральной Азии 2014. – Астана: Международная организация по миграции, 2015. – 164 стр.
43. Геоэкономика Евразии. Доклад Астанинского клуба. – Астана: ИМЭП, 2015. – 32 с.
44. Данков А. Центральная Азия через 100 лет: после «Большой трансформации». РСМД, 2013 / <http://russiancouncil.ru>
45. Данков А. Крупные города в Центральной Азии: между демографией и политикой. РСМД, 2015 / <http://russiancouncil.ru>
46. Евразия на перепутье: будущее мегаконтинента в глобальном мире. – Астана: Astana club, 2016.
47. Кабул О., Беркимбаева А., Ахметова Б., Беркенова Б. Современные политические ориентации молодежи Таджикистана, Узбекистана и Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2017. – №2 / www.ca-c.org
48. Лаумулин М. Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – №2 / www.ca-c.org
49. Перспективы мировой экономики: Европа и Центральная Азия. Всемирный банк, 2017 / www.vseмирnyjbank.org
50. Попов Д. Центральная Азия во внешней политике США 1991-2016. – М.: РИСИ, 2016. – 268 с.
51. Притчин С. Центральная Азия и глобальный международный контекст. – М.: Валдай, 2017 / <http://ru.valdaiclub.com>
52. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. Научный доклад. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 55 с.
53. Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. – Алматы: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015 / www.fes-centralasia.org
54. Румер Ю., Сокольски Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии 3.0. / <http://carnegie.ru>
55. Саидович Я., Ли Минфу. Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Евразийские исследования. – 2016. – №2. – С. 59-70.



56. Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014-2024 гг. – РСМД, 2013 / <http://russiancouncil.ru>

57. Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии. – М.: Евразийский банк развития, 2015. – 80 с.

58. Тянь Гуан Р. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая и его роль в системе экономического сотрудничества Большой Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1 / www.ca-c.org

59. Урбанизация в Центральной Азии: вызовы, проблемы и перспективы. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2013.

60. Центральная Азия - 2020: четыре стратегических концепта. – Астана: КИСИ, 2015. – 54 с.

61. Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион? Под редакцией С. Кушкумбаева. – Алматы: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2016. – 44 с.

62. Центральная Азия в условиях глобальной трансформации: Материалы XV ежегодной конференции КИСИ при Президенте РК по безопасности (г. Астана, 2 июня 2017 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2017. – 168 с.

63. Центральная Азия-2020: взгляд изнутри. – Алматы: Интеллектуальный клуб Алатау, ОФ «ЦСПИ Стратегия», 2012.

64. Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Политические партии. Под редакцией Т. Ибраимова. Алматы, 2016. – 30 с.



АНКЕТА ДЛЯ ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ

Уважаемый эксперт! Аналитический центр Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации (Назарбаев Центр) проводит экспертное исследование по основным факторам, ключевым тенденциям и возможным перспективам развития Центральной Азии в ближайшие 10 лет.

Наш регион вступает в новую фазу изменений и наша задача проанализировать возможные трансформации. Это будет одно из первых форсайтных исследований о возможных сценариях будущего Центральной Азии – с мнением и видением только экспертов из Центральной Азии.

Просим Вас принять участие в данном исследовании и ответить на вопросы настоящей анкеты. Мы гарантируем полную конфиденциальность Ваших ответов. Ваша точка зрения по данным вопросам чрезвычайно важна для нас.

По Вашему желанию, мы укажем всех участников в отдельном листе благодарности в опубликованном докладе, который будет переведен на национальные языки стран Центральной Азии, а также английский, немецкий, китайский и другие языки.

I. СТРАНОВОЙ БЛОК ВОПРОСОВ

1. Какие ожидания Вы испытываете относительно будущего Вашей страны в интервале 10 лет? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)

1. Оптимистические
2. Пессимистические
3. Неопределенные («Пусть будет так, как будет»)

2. Укажите, пожалуйста, три основных фактора, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему своей страны:

1. _____
2. _____
3. _____

3. Какие основные тенденции, на Ваш взгляд, будут характерны в процессе развития Вашей страны в среднесрочной перспективе? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)

1. Последовательная либерализация экономики и политической системы
2. Последовательная либерализация экономики при сохранении текущего статус-кво политической системы
3. Последовательная либерализация экономики при усилении авторитарных тенденций в политической системе
4. Максимальная консервация политической системы и национальной экономики



5. Усиление авторитарных тенденций в политической системе и национальной экономике

6. Нарастание дестабилизирующих процессов в политической системе и национальной экономике

7. Другое (свой вариант): _____

4. Какая, на Ваш взгляд, из приведенных ниже характеристик наиболее подойдет для оценки состояния Вашей страны через 10 лет? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)

1. Максимальная демократизация политической системы и экономический рост

2. Максимальный экономический рост при минимальной демократизации политической системы

3. Максимальный экономический рост при сохранении текущего статус-кво политической системы

4. Максимальный экономический рост при усилении авторитарных тенденций в политической системе

5. Максимальная демократизация политической системы и минимальный экономический рост

6. Минимальная демократизация политической системы и экономический рост

7. Минимальный экономический рост при сохранении текущего статус-кво политической системы

8. Минимальный экономический рост при усилении авторитарных тенденций в политической системе

9. Отсутствие каких-либо значимых изменений в политической системе и национальной экономики

10. Экономический спад при определенной демократизации политической системы

11. Экономический спад при сохранении текущего статус-кво политической системы

12. Экономический спад при усилении авторитарных тенденций в политической системе

13. Дестабилизация политической системы и национальной экономики

14. Другое (свой вариант): _____

5. Оцените, пожалуйста, по баллам - от 1 (наименьший балл) до 5 (наибольший балл) возможный вектор развития в контексте приведенных ниже факторов в Вашей стране (в данном случае оценивается только один из двух противоположных друг другу вектора):



5.1. Социально-политическое развитие

№	Факторы	Векторы развития / Оценки			
1	Политический строй	Авторитаризм		Демократия	
2	Уровень политической стабильности	Дестабилизация		Твердое обеспечение	
3	Межэлитные отношения	Конфронтация		Консенсус	
4	Качество государственного управления	Снижение		Рост	
5	Уровень коррупции в госаппарате	Рост		Максимальное искоренение	
6	Уровень развития гражданского общества	Подконтрольность государству		Равноправие с государством	
7	Настроения среди населения	Протестность		Лояльность	
8	Политическое участие населения	Пассивность		Активность	
9	Межэтнические отношения	Напряженность		Согласие	
10	Межконфессиональные отношения	Напряженность		Согласие	

5.1. Социально-экономическое развитие

№	Факторы	Векторы развития / Оценки			
1	Уровень ВВП	Спад		Подъем	
2	Уклад экономики	Индустриально-инновационная		Сырьевая	
3	Экономические отношения	Монополизм		Конкуренция	
4	Приток иностранных инвестиций	Снижение		Увеличение	
5	Уровень жизни населения	Спад		Подъем	
6	Социальное неравенство	Рост		Сокращение	
7	Занятость населения	Массовая безработица		Высокая занятость	
8	Уровень образования	Снижение		Рост	
9	Внутренняя миграция	Рост		Снижение	
10	Эмиграция из страны	Рост		Снижение	



6. К чему, на Ваш взгляд, приведет через 10 лет ожидаемая смена поколений внутри элиты Вашей страны? (Можете отметить не более трех вариантов ответа)

1. Смена первого руководителя государства
2. Изменение системы верховной государственной власти (формы правления)
3. Проведение либеральных политических и экономических преобразований
4. Определенная либерализация экономики при сохранении текущего статуса-кво политической системы
5. Противоборство между представителями нынешнего и нового поколения элиты
6. Новый передел собственности
7. Изменение этнонациональной политики в сторону ограничения прав некоренных этносов страны
8. Смена внешнеполитического курса страны в сторону максимальной открытости для сотрудничества с другими странами
9. Смена внешнеполитического курса страны с отдачей приоритета в отношении какого-либо одного внешнего партнера
10. Смена внешнеполитического курса страны в сторону равной удаленности от других стран
11. Занятие представителями нового поколения нижестоящих позиций в системе власти и сфере бизнеса при главенстве действующих представителей элиты
12. Другое (свой вариант): _____

7. Какая из ниже перечисленных стран, на Ваш взгляд, станет ключевым внешнеполитическим партнером для Вашей страны через 10 лет? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)

1. Россия
2. Китай
3. США
4. Европейский Союз
5. Турция
6. Иран
7. Пакистан
8. Индия
9. Объединенные Арабские Эмираты
10. Саудовская Аравия
11. Другое (свой вариант): _____

8. Пожалуйста, укажите одну из соседних республик Центральной Азии, с которой Ваша страна станет, на Ваш взгляд, поддерживать тесные партнерские отношения через 10 лет: _____

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ БЛОК ВОПРОСОВ**

9. Какие ожидания Вы испытываете относительно будущего Центральной Азии в интервале 10 лет? *(Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)*

1. Оптимистические
2. Пессимистические
3. Неопределенные («Пусть будет так, как будет»)

10. Укажите, пожалуйста, три основных фактора, которые наиболее всего обуславливают Ваше отмеченное выше отношение к будущему Центральной Азии:

1. _____
2. _____
3. _____

11. Насколько, на Ваш взгляд, изменится конфигурация отношений между странами Центральной Азии через 10 лет? *(Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)*

1. Создание интеграционного объединения центральноазиатских государств
2. Улучшение характера и форм взаимодействия на многосторонней и двусторонней основе
3. Кооперация центральноазиатских государств для совместного решения определенных вопросов общерегионального значения
4. Сохранение текущего статус-кво в отношениях стран региона
5. Разделение стран региона по дистанцирующимся друг от друга группам (блокам)
6. Разделение стран региона по дистанцирующимся друг от друга группам (блокам) с участием третьих стран
7. Серьезное обострение отношений между одними странами при нейтральной позиции других
8. Другое (свой вариант): _____

12. С какими, на Ваш взгляд, вероятными рисками может столкнуться Центральная Азия через 10 лет? *(Можете отметить не более трех вариантов ответа)*

1. Вооруженные пограничные конфликты между отдельными странами региона
2. Масштабные проявления терроризма и экстремизма
3. Неконтролируемая внешняя миграция
4. Рост трансграничной преступности
5. Вовлечение центральноазиатских республик в конфликты между другими странами
6. Проявление сепаратизма в отдельных странах региона
7. Экономический упадок вследствие неблагоприятной (кризисной) ситуации в мировой экономике
8. Экспансионистские действия со стороны каких-либо других стран
9. Распространение вооруженного конфликта в Афганистане на территорию стран Центральной Азии



10. Экспорт терроризма и экстремизма в Центральную Азию из «горячих точек» Ближнего Востока
11. Повсеместные проявления социальной напряженности
12. Повсеместные проявления межэтнической напряженности
13. Другое (свой вариант): _____

13. Какие, на Ваш взгляд, возможности для развития Центральной Азии откроются в ближайшие 10 лет? Пожалуйста, перечислите и если можно кратко почему. _____

14. Оцените, пожалуйста, по баллам – от 1 (наименьший балл) до 5 (наибольший балл) уровень влияния ниже перечисленных стран в Центральной Азии в среднесрочной перспективе:

№	Страна	Балл
1	Россия	
2	Китай	
3	США	
4	Европейский Союз	
5	Турция	
6	Иран	
7	Пакистан	
8	Индия	
9	Объединенные Арабские Эмираты	
10	Саудовская Аравия	

15. Оцените, пожалуйста, по баллам – от 1 (наименьший балл) до 5 (наибольший балл) уровень влияния ниже перечисленных международных структур в Центральной Азии в среднесрочной перспектив

№	Международная структура	Балл
1	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	
2	Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)	
3	Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)	
4	Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	
5	Содружество Независимых Государств (СНГ)	
6	Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ)	
7	Организация Исламского сотрудничества (ОИС)	
	Организация Объединенных Наций	
8	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе	
9	Организация Североатлантического договора (НАТО)	



16. Что, на Ваш взгляд, следует предпринять странам Центральной Азии в среднесрочной перспективе в интересах региональной кооперации? *(Можете отметить не более трех вариантов ответа)*

1. Провести серию переговоров в двустороннем и многостороннем формате с целью выявления основных предметов противоречий и возможных путей их разрешения

2. Создать межгосударственное интеграционное объединение по типу бывшей Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС)

3. Создать водно-энергетический консорциум

4. Активизировать работу Международного фонда спасения Арала

5. Договориться о присоединении Туркменистана и Узбекистана к Соглашению о создании Центрально-Азиатского Центра по реагированию на чрезвычайные ситуации и снижению риска бедствий от 19.08.2011 гг.

6. Выработать механизмы межгосударственного взаимодействия по вопросам обеспечения региональной безопасности

7. Создать благоприятный режим для торгового и инвестиционного сотрудничества друг с другом

8. Завершить процессы делимитации и демаркации границ между странами региона с решением всех спорных вопросов

9. Обеспечить координацию действий в рамках совместного участия в деятельности различных международных структур.

10. Другое (свой вариант): _____

Благодарим Вас за Ваши ответы!



Библиотека Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы – создана 13 марта 2014 года в соответствии с Указом Президента РК Н.А. Назарбаева в целях обеспечения функционирования личной библиотеки и личного президентского архива, изучения истории становления и развития Казахстана, а также продвижения идей и инициатив Президента внутри страны и за рубежом. Деятельность Библиотеки, как президентского центра действующего Главы государства, посвящена интеллектуальной поддержке политики Лидера Нации. Работа Аналитического центра Библиотеки направлена на осмысление мировых процессов с позиции долгосрочной стратегии развития государства до 2050 года. В Центре ведется аналитический поиск и выработка практических рекомендаций к решению актуальных проблем современности в контексте национальных интересов Казахстана. Ориентированный на использование передовых методологических подходов, беспристрастную экспертизу и выработку прикладных политических решений Аналитический центр развивается в формате ведущих зарубежных «фабрик мысли». На базе «Назарбаев Центра» в г.Астане Библиотека формирует экспертную площадку для международных мероприятий и форумов по обсуждению вопросов развития Казахстана и осмыслению актуальных глобальных проблем.



Фонд имени Фридриха Эберта – является старейшим политическим фондом Германии, обладающим богатыми традициями социал-демократии со дня своего основания в 1925 году. Фонд был основан в 1925 году как политическое завещание Фридриха Эберта, первого президента Германии, избранного демократическим путем, и именем которого Фонд назван. В центре работы Фонда им. Фридриха Эберта – продвижение в жизнь основополагающих идеалов и ценностей социал-демократии: свободы, справедливости, солидарности. Фонд работает в тесной связи с социал-демократами и организациями свободных профсоюзов. Фондом ведутся стратегические исследования по основным вопросам экономической, социальной и образовательной политики, а также по основным направлениям дальнейшего развития демократии. Привлекая к исследованиям Центра научные круги, действующих политиков, Фонд создает условия для широкого обсуждения вопросов формирования устойчивого экономического и социального порядка в Европе и мире в целом. Головные офисы Фонда находятся в г.Бонне и г.Берлине. В Германии Фонд имеет 6 образовательных центров, а также 12 земельных и региональных офисов. В г.Бонне Фонд имеет собственную библиотеку, где собрано более 650 тыс. томов, включая крупнейшую в мире коллекцию материалов по истории европейского рабочего движения. За пределами Германии в настоящее время функционируют более 100 представительств Фонда им. Фридриха Эберта.



Центр по изучению Китая 中国研究中心 - современный «мозговой» центр, выступающий диалоговой площадкой для сотрудничества между правительствами, деловыми кругами, экспертно-академическими сообществами и университетами Казахстана и Китая. Первый профессиональный аналитический центр по системному изучению и прогнозированию развития Китая – крупного Восточного соседа Казахстана, роль которого последовательно и качественно изменяется как на глобальном уровне, так и в непосредственном региональном окружении КНР. Центр объединяет десятки ведущих экспертов в научных кругах Казахстана, Китая и стран Центральной Азии, которые проводят анализ и исследования по широкому спектру вопросов развития КНР. Центр посвящает деятельность осмыслению того, как Казахстан может выгодно использовать формирующуюся вокруг него геоэкономическую конъюнктуру в интересах своего развития. Центр по изучению Китая ориентирован на публичную работу и распространение результатов своей исследовательской деятельности через все доступные современные коммуникации. Центр по изучению Китая не формирует общественное мнение, его работа ориентирована на предоставление объективной информации, на основе которой каждая группа читательской аудитории сможет сделать свои выводы о КНР и казахстанско-китайских отношениях.

Т.Т. Шаймергенов, М.А. Абишева
Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт.
Вероятные сценарии на десять лет вперед

Дизайн обложки, верстка: Л. Черткова

